

ГАМИТАВ
ГОШ
ДЫМНАЯ
РЕКА

18+

Ибисовая трилогия

Амитав Гош
Дымная река

«Фантом Пресс»

2011

УДК 821.111
ББК 84(5Инд)

Гош А.

Дымная река / А. Гош — «Фантом Пресс», 2011 — (Ибисовая трилогия)

ISBN 978-5-86471-885-8

Второй том саги-трилогии. В сентябре 1838 года в Индийском океане шхуна «Ибис», перевозившая заключенных и наемных рабочих из Калькутты на Маврикий, попала в самый центр мощного шторма. Роман следует за судьбами людей, угодивших в бурю – не только природную, но и историческую. Некоторых из них шторм и судьба забросили в китайский Кантон, где сосредоточена торговля с иностранцами. Несмотря на усилия китайского императора остановить торговлю опиума, корабли европейцев, курсирующие между Индией и Китаем, по-прежнему доставляют зелье. Центральные фигуры во второй книге трилогии – богатый опиумный торговец-парс из Бомбея; бывший индийский раджа, ставший писарем в торговой миссии; юная француженка-сирота и пестрая компания, объединившаяся в погоне за романтикой и богатством. Каждый из них пытается справиться со своими потерями, а некоторые – и с обрушившейся на них свободой. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.111
ББК 84(5Инд)

ISBN 978-5-86471-885-8

© Гош А., 2011
© Фантом Пресс, 2011

Содержание

Часть первая	8
1	9
2	17
3	36
4	53
5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Амитав Гош

Дымная река

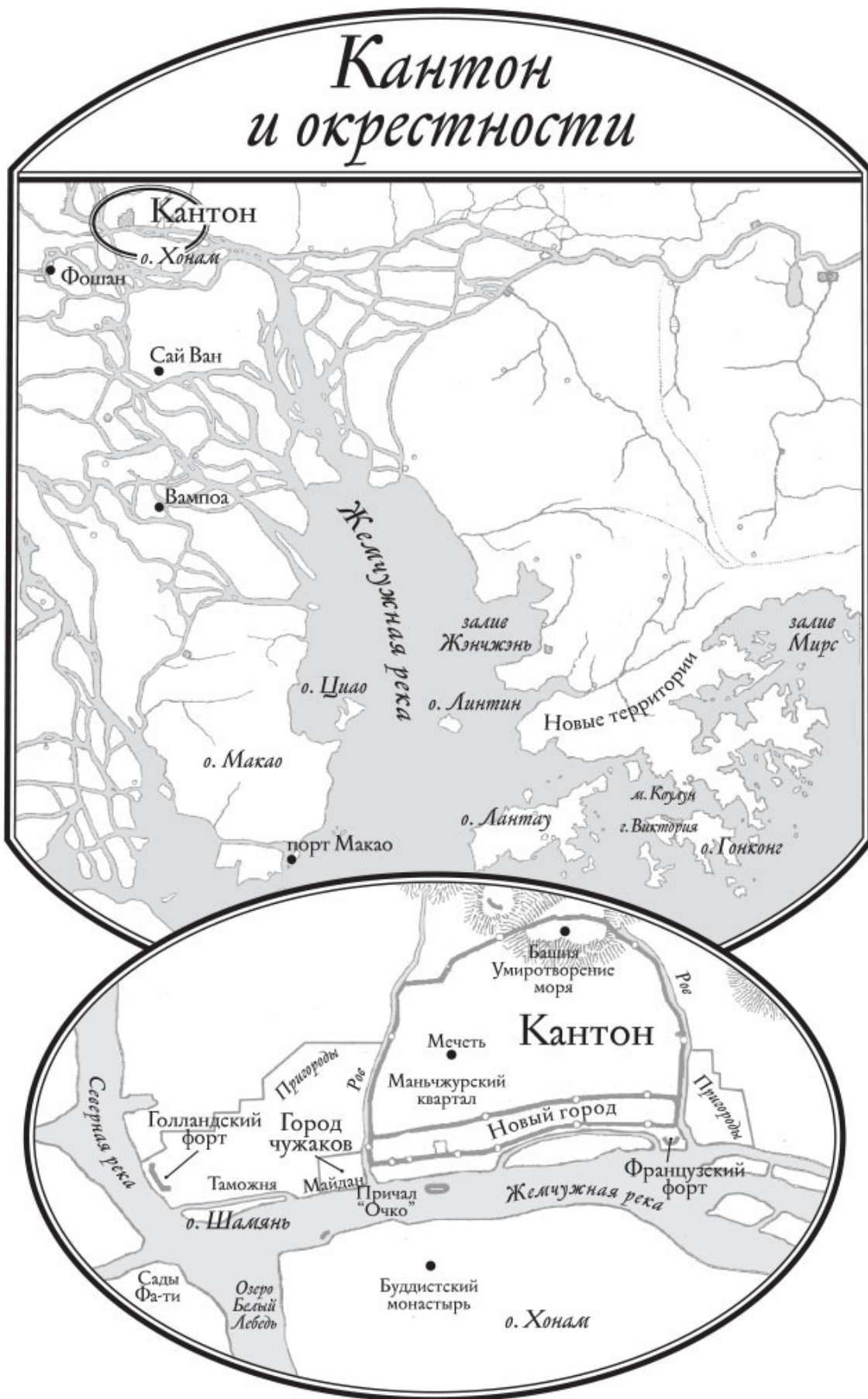
RIVER OF SMOKE by AMITAV GHOSH
Copyright © Amitav Ghosh 2011

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии The Wylie Agency (UK) LTD
Перевод с английского Александра Сафронова
Редактор Игорь Алюков
Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© Александр Сафронов, перевод, 2021
© Андрей Бондаренко, оформление, 2021
© «Фантом Пресс», издание, 2021

* * *

К восьмидесятилетию моей матери

Часть первая
Острова

1

Святылище Дити пряталось в дальнем уголке Маврикия, где на стрелке западной и южной оконечностей острова вознесся продуваемый ветрами скалистый купол Ле-Морн-Брабан. Пещера в известняковом утесе, сотворенная ветром и влагой, представляла собою природную аномалию, подобия которой не было нигде на острове. Позже Дити уверяла, что не случай, но сама судьба привела ее к этому невообразимому месту, открывавшемуся лишь тому, кто в нем оказался.

На склоне лет, когда артрит сделал ее колени негнушимися, Дити уже не могла добраться от фермы Колверов, расположенной по другую сторону бухты, до святылища самостоятельно, но только в особом устройстве «пус-пус», этаким симбиозе паланкина и носилок. И посему паломничество превращалось в полномасштабную экспедицию, требовавшую изрядного числа мужчин, непременно молодых и крепких.

Собрать весь род Колверов (на креольском диалекте «ла фами Колвер»), рассеянный по всему острову и за его пределами, всегда было непросто. Однако раз в году, во время летних Больших выходных накануне Нового года, все старались съехаться. В середине декабря семейство приходило в движение, и к началу праздников весь род пускался в путь: уйма Колверов в сопровождении свояков, своячениц, золовок и прочих деверей огромным потоком устремлялась к ферме. Одни, обитавшие в Курепипе или Катр-Борне, добирались сушей, в повозках поднимаясь на туманное плоскогорье, другие, жители Порт-Луи или Маебурга, плыли морем, прижимаясь к берегу, пока не завиднеется выступ Ле-Морн-Брабан, затянутый мгlistой дымкой.

Многое зависело от погоды, ибо восхождение на обдуваемую ветрами гору могло состояться лишь в погожий день. Если погода благоволила, с вечера начинались приготовления. Трапеза после *пуджи*¹ была самой желанной частью похода, и подготовку к ней сопровождало взволнованное предвкушение: хижина наполнилась звяканьем сечек по разделочным доскам, стуком скалок и ступок, пока готовились *масала* и *чатни*, а груды овощей превращались в начинку для *параты* и *дхал*². Затем снедь упаковывали в коробки и корзины, и все пораньше отправлялись на боковую.

На рассвете Дити лично удостоверилась, что путники хорошенько искупались, но не съели ни крошки, ибо их паломничество, как и всякое другое, требовало чистоты тела изнутри и снаружи. Проснувшись, как обычно, первой, она расхаживала по хижине и, стуча клюкой по половицам, на странной смеси родного бходжпури и креольского диалекта возвещала побудку:

¹ Пуджа – молитвенный обряд в индуизме.

² Масала – смесь специй, которую добавляют в блюда и напитки; чатни – соусы разных видов: от сладких до огненно-острых; парата – слоеная лепешка; дхал – традиционный пряный суп из бобов, нута или гороха.

– Подъем! Подъем, лежебоки! Хватит дрыхнуть!

Когда все племя наконец пробуждалось, солнце уже подсвечивало облака, цеплявшиеся за макушку Горы. В тарахтящей повозке, запряженной лошадей, Дити возглавляла процессию, которая, миновав ворота фермы, спускалась с холма к перешейку, соединявшему горный монолит с островом. Дальше можно было двигаться только пешим ходом. Дити пересаживалась в пус-пус, который молодые мужчины, чередуясь, несли сквозь густые заросли, укрывавшие подножье Горы.

Перед последним и самым крутым участком подъема была славная опушка, где делали привал, дабы перевести дух и полюбоваться восхитительным видом джунглей между зубчатыми береговыми линиями в кайме песчаных отмелей.

Зрелище не завораживало только Дити, которая через пяток минут уже рывкала:

– Пошевеливайтесь! Мы здесь не для того, чтоб до темноты пялить зенки на всякую дребедень! Встали! Пошли!

Жаловаться на головокружение и ноющие ноги было бесполезно, в ответ слышалось яростное «*Бис ту фана! Вставай!*»

Правда, никого особо подгонять не приходилось: отправившись в дальний путь натошак, все, а дети особенно, с нетерпением ждали трапезы по завершении пуджи. Крепкие парни подхватывали шесты пус-пуса, и Дити вновь возглавляла поход по крутой осыпчивой тропе, огибавшей горный хребет. И вот вдруг открывалась обратная сторона горы, отвесно обрывавшаяся в море. Налетал оглушительный шум волн, бившихся о скалы, хлестал свирепый ветер. На этом самом опасном участке пути уже было некогда любоваться изогнутым обручем горизонта, соединявшим море и небо. Копуш подгоняла клюка Дити: «*Гаратва! Шевелись!...*»

Еще немного, и паломники достигали неприметного уступа, служившего порогом святилища – удивительного творения природы, в семействе прозванного Узилищем и с которым не смог бы тягаться и обученный архитектор: просторно, почти ровный пол, нависший каменный потолок. Возникавшему впечатлению тенистой веранды способствовала этакая балюстрада из корявых деревцов, вцепившихся в края утеса. Но чтобы глянуть вниз, требовались крепкий желудок и крепкая голова: даже в тихий ясный день казалось, что неистовые волны, проделавшие долгий путь от Антарктики, стремятся смыть дерзкий клочок суши, преградивший им дорогу на север.

Однако Узилище обладало удивительным свойством: стоило сесть на пол пещеры, как волны исчезали из виду, скрытые корявыми деревцами, что изображали балюстраду. Коротко говоря, это было идеальное место для семейных собраний, и зарубежные родичи, изыскавшиеся на хинди, ошибочно думали, что потому-то оно и прозвано Узилищем – мол, в тесноте, да не в обиде. Но любой островитянин знал, что на креольском диалекте это слово означает еще и доску, на которой раскатывают лепешки *роти*. А прямо посреди пещеры грибной шляпкой торчал огромный плоский валун, трудами не человека, но природных стихий превращенный в удобную столешницу. Женщины тотчас раскладывали на ней *дал-пури*³ и лепешки параты, наполняя их давеча приготовленной лакомой овощной начинкой из пурпурных корешков, зеленой моринги и прочего.

Сохранилось несколько фотографий Дити того времени, в том числе пара прелестных серебряно-желатиновых дагерротипов. На одном, сделанном в Узилище, на переднем плане Дити сидит в пус-пусе, поставленном на пол пещеры. Она в сари, но, в отличие от других женщин в кадре, позволила накидке соскользнуть с головы, обнажив невероятной белизны волосы. На *паллу*⁴, переброшенном через плечо, висит связка ключей, символизирующая главенство в семье. Круглое смуглое лицо изборождено глубокими морщинами, дагерротип отлично пере-

---

³ Дал-пури (дхай-пури) – очень тонкие лепешки из гороховой муки.

⁴ Паллу – свободный конец сари, служащий накидкой.

дает впечатление огрубелой задубевшей кожи. Руки сложены на коленях, но в целом поза не выглядит спокойной: губы плотно сжаты, сощуренные глаза направлены прямо в объектив. Один глаз, затуманенный катарактой, лишь тускло отражает свет, а вот другой, неоспоримо серый, смотрит твердо и пристально.

За спиной Дити виден вход в собственно святилище – не верится, что столь узкая расщелина ведет в еще одну пещеру. На заднем плане толстяк в *дхоти*⁵ выстраивает детишек в ряд, чтобы следом за главой семейства они прошли во внутренний покой.

Дити строго следила за этой незыблемой частью ритуала: малыши должны первыми совершить пуджу и поесть раньше других. Во главе юной поросли Колверов она – в одной руке клюка, в другой горсть свечей – шагала в святилище. Изголодавшиеся ребятишки поспешали за ней, даже не глядя на стены большой пещеры, покрытые рисунками. Малую пещеру Дити называла своей молельней. В обычной церкви это была бы алтарная часть – здесь изображения божеств группировались вокруг фигур, менее знаменитых в индуистском пантеоне: марутов и бога ветра Ваю, отца Ханумана⁶. При мигающем пламени светильника детишки наскоро совершали пуджу: бубнили мантры и шептали молитвы. Затем, в ритуале арати осыпав цветами божества и заглотив ломивший зубы прасад, они спешили в Узилище, где их встречали криками «К столу, к столу!», хотя в пещере не было ни столов (одни банановые листья), ни стульев (одни подстилки и коврики).

Еда, приготовленная в незамысловатой утвари на открытом огне, всегда была вегетарианской и потому очень простой. Основу составляли лепешки параты и дал-пури, а вдгонку к ним шли люффа, маринады, паста из томатов и арахиса, чатни из тамаринда и плодов комбавы, а иногда из лайма и билимби, огненный *мазавару*⁷ из перца чили и лайма и, уж конечно, *дахи* и *гхи*⁸ из молока от коров Колверов. Пища, повторимся, была простейшей, но после трапезы все, привалившись к стенам пещеры, стонали – мол, так объелись, что вот-вот лопнет живот...

Даже много лет спустя, когда утес уже рухнет под натиском циклона и лавина снесет все святилище в море, те, кто детьми совершал эти паломничества, сохраняют яркие воспоминания о лепешках, дал-пури, чатни и приправах, дахи и гхи.

Когда наконец приживалось съеденное и зажигались керосиновые лампы, ребятишки приступали к осмотру разрисованных стен большой пещеры, прозванной *Дити-ка-смрити-мандир* – Поминальный храм Дити.

В семье все малыши знали историю о том, как под руководством своей бабушки Дити научилась рисовать, когда совсем крохой жила Еще Там, в родной провинции Индостана. Ее деревня в северном Бихаре называлась Наянпур и стояла на слиянии двух больших рек, Ганга и Карамнасы. Тамошние дома сильно отличались от здешних: никаких тебе жестяных крыш, вообще никакого железа и бревен. Люди жили в крытых соломой хижинах, обмазанных коровьим навозом.

В Наянпуре многие оставляли стены своих жилищ голыми, но семья Дити была иной. В молодости ее дед проходил военную службу в Дарбханге, что в шестидесяти милях на восток от их деревни. Там-то он и взял жену из семьи Раджпут и потом привез ее в Наянпур.

В далеком Еще Там у каждого города и поселка имелся свой предмет гордости: одни похвалялись гончарными изделиями, другие – лакомством из сушеных фруктов *хобби-ки-лай*, третьи – непревзойденной глупостью жителей, четвертые – великолепным рисом. Мадхубани, бабушкин поселок, славился великолепно украшенными домами с чудесно разрисованными

⁵ Дхоти – традиционная мужская одежда, ткань, обертываемая вокруг ног.

⁶ Хануман – чтимый в индуизме Бог-обезьяна, сын бога ветра Ваю и апсары (полубогини) Пунджисталы.

⁷ Мазавару – очень острая приправа, в которую, кроме чили и лайма, добавляют имбирь и чеснок.

⁸ Дахи – кисломолочный продукт, отдаленно напоминающий йогурт; гхи (ги) – топленое масло.

стенами. Перебравшись в Наянпур, бабушка привезла с собою творческие секреты и обычаи своей родины: она научила дочерей и внушек белить стены рисовой мукой, создавать яркие краски из плодов, цветов и разнообразного грунта.

В семье у каждой девочки был свой круг обязанностей, и Дити отвечала за изображение простых смертных, путавшихся под ногами у богов, богинь и демонов. Зарисовки, выходявшие из-под ее руки, имели черты окружающих и составляли пантеон тех, кого она больше всего любила и боялась.

Выполненные контуром и чаще всего в профиль, портреты несли опознавательный знак модели: так, старший брат Кесри Сингх, сипай армии Ост-Индской компании, легко узнавался по военному символу – дымящемуся ружью.

Когда Дити вышла замуж и покинула родную деревню, выяснилось, что в мужнином доме, никогда не знавшем мазка краски, перенятое от бабушки искусство не приветствуется. Однако новые родичи не могли запретить ей рисовать на листьях и тряпицах и на свой вкус украсить собственную молельню – закуток, ставший вместилищем ее мечтаний и видений. В долгие семь лет замужества рисование было не только утешением, но главным и единственным способом сохранить воспоминания – неграмотная, иначе Дити не смогла бы запечатлеть события своей жизни.

Этой привычке она не изменила и после того, как вместе с Калуа, ставшим ей вторым мужем, бежала от старой жизни. В пути на Маврикий Дити поняла, что беременна, и, по семейному преданию, именно сынок Гириу указал ей дорогу к святилищу.

В то время Дити была *кули*⁹ и работала на плантации, недавно расчищенной по другую сторону бухты. Хозяином был француз, участник наполеоновских войн, израненный телесно и духовно. Он-то и привез Дити и восьмерых ее спутников по «Ибису» в дальний уголок острова, дабы те отработали контракт.

В той самой дальней и почти безлюдной части Маврикия земля была невероятно дешева, а дорог не имелось вовсе – весь провиант туда подвозили в лодках, и порой бывало, что кули, поддев все припасы, отправлялись на поиски съестного в джунгли. Всего богаче природными дарами был лес на Горе, но мало кто дерзал вскарабкаться по ее склонам, пользовавшимся дурной славой – мол, там сгинули сотни, если не тысячи людей. Во времена рабства неприступность Горы привлекла изрядное число беглых рабов, обустроивших там свое поселение. Эта община беженцев (по-креольски «каштанов») существовала вплоть до 1834 года, когда на Маврикий отменили рабство. Не ведая о переменах, каштаны так и жили себе на Горе, но вот в один прекрасный день на горизонте замаячила воинская колонна. Солдаты в роли вестников свободы казались чем-то невообразимым, и каштаны, приняв их за карателей, прыгнули со скалы, насмерть разбившись о камни.

Трагедия случилась незадолго до прибытия Дити и ее спутников, и память о ней была свежа. Ветер, порою завывавший в тех местах, мнился плачем по покойникам, пробуждая такой страх, что никто из кули на гору не совался.

Дити не меньше других боялась горы, но у нее был годовалый ребенок и он соглашался только на банановое пюре, когда иссякал запас риса. В горном лесу бананов было немерено, и Дити, собравшись с духом, привязывала малыша к спине и по перешейку отправлялась за пропитанием. И вот однажды на горе ее застигла надвигающаяся буря. Пока Дити соображала что к чему, начался прилив, затопивший перешеек и отрезавший дорогу к плантации. Дити разглядела неприметную тропу, некогда проложенную каштанами, и понадеялась, что она приведет ее к какому-нибудь укрытию. Тропа, вившаяся вверх по склону и вокруг хребта, довела ее к уступу, позже получившему название Узилища.

---

⁹ Кули – наемный батрак в колониях.

Дити решила здесь переждать непогоду, еще не ведая, что уступ – всего лишь порог более безопасного убежища. Согласно семейному преданию, вход в пещеру отыскал Гирин. Дити опустила его на землю и огляделась – куда положить собранные бананы. Она отвлеклась всего на минутку, но малыш, юркий ползунок, исчез.

Дити завопила, подумав, что ребенок сорвался в пропасть, но потом вдруг расслышала его тонкий голосок, эхом разносившийся в скале. Все еще не видя сына, она ощупала расщелину и сунула в нее руку. Внутри было прохладно и, похоже, просторно. Дити шагнула в проем и тотчас споткнулась о сына.

Вскоре глаза ее обвыклись с сумраком, и она поняла, что некогда пещера была обитаема – вдоль стен вязанки хвороста, на полу кремни, скорлупа и осколки калабаса, о которые она чуть не порезала босые ноги. В углу высилась кучка засохшего человеческого дерьма, уже давно утратившего запах. В иных обстоятельствах оно бы вызвало отвращение, но сейчас, напротив, успокоило – стало быть, в пещере хозяйничали не призраки, упыри или демоны, а человеческие существа.

Снаружи разразилась буря, завыл ветер; воспользовавшись кремнями, Дити развела костер и на меловых стенах пещеры увидела рисунки углем, похожие на детские каракули. Гирин, испугавшийся злобного воя ветра, разрыдался, и тогда-то ей пришла идея.

– Смотри, сынок, – сказала она, – с нами твой папа. Бояться нечего, он рядышком...

И вот так Дити нарисовала свою первую картину – гигантский портрет Калуа.

Через много лет дети и внуки часто спрашивали, почему на стенах святилища так мало изображений самой Дити, почему так скупо отражены ее собственные первые годы на плантации, но полно рисунков мужа и других беженцев. «Уясните себе, – отвечала она, – для меня ваш дед живой человек, а не просто персонаж картины. Сюда я приехала, чтоб быть с ним вместе. Там, внизу, каждый миг моей жизни состоял из преодоления тягот, а здесь я вновь соединялась с мужем...»

Осмотр святилища всегда начинался с гигантского портрета Калуа в набедренной повязке, на котором он, как и в жизни, был всех выше, мощнее и черен, точно сам Кришна. Изображенный в профиль, он занимал всю стену, словно всепобеждающий фараон. Под ногами его кто-то вырезал и обвел узором имя, которое он получил в калькуттском лагере переселенцев – Маддоу Колвер.

Как во всяком паломничестве, члены семейства подчинялись строго установленному порядку осмотра и поклонения. От портрета основателя рода переходили к панно без подписи, но известному всему роду как «Расставание» (*Бираха*). Даже малыши знали, что здесь запечатлен критический момент в истории их семьи – разлука Дити с супругом.

Это произошло, когда на «Ибисе» Дити и Калуа вместе с сотнями других закабаленных рабочих пересекали океан, добираясь из Индии на Маврикий. Путешествие не заладилось сразу, а кульминацией всех несчастий стал смертный приговор Калуа, вынесенный за обычную самозащиту. Однако разыгравшийся шторм не позволил привести его в исполнение, и Калуа вместе с четырьмя другими беглецами уплыл на баркасе.

Для Колверов сага о чудесном избавлении патриарха, часто излагавшаяся в семействе, была сродни легенде о бдительных гусях, спасших Рим, и служила знаменьем того, что сговор Рока с Природой уготовил им особенную судьбу. Рисунок Дити навеки запечатлел тот миг, когда озлобленные волны уносили баркас прочь от «Ибиса», изображенного в виде мифической птицы: огромный клюв бушприта и два громадных распростертых крыла парусов. Шхуну и баркас беглецов, расположенный чуть правее, разделяли две условные высокие волны. Баркас, похожий на выглянувшую из воды рыбину, резко контрастировал с птичьим обликом «Ибиса», однако в размерах почти не уступал шхуне, чем, видимо, подчеркивалась значимость

его роли в спасении родоначальника семьи. На обоих судах виднелись небольшие людские группы: четыре человека на шхуне, пять на баркасе.

Повторение – метод, с помощью которого чудо становится частью повседневной жизни: все прекрасно знали канву легенды, но всякий раз в святилище Дити слышала одни и те же вопросы.

– Деда? – кричала малышня, показывая на великана. – Дедушка?

Но и здесь Дити, невзирая на детский ор, неизменно следовала собственному строгому ритуалу, сперва указав клюкой на самого низенького из пятерых пассажиров баркаса:

– Видите вон того с тремя бровями? Это ласкар Джоду, он рос вместе с вашей тетей Полетт и был ей как брат. А вон тот в тюрбане, это серанг Али, лучший на свете мореход и тот еще башковитый хитрован. Двое других – узники, коих отправили отбывать срок на Маврикии. У того, что слева, отец был богатый бомбейский купец, женившийся на китайке, и мы звали его «китайчонок», хотя настоящее его имя А-Фатт. А рядом с ним не кто иной, как ваш дядюшка Нил, любитель историй.

И лишь затем клюка перемещалась к центральной фигуре Маддоу Колвера, который, единственный из пятерых беглецов, был развернут лицом не к зрителям, но к шхуне – он словно прощался с женой и еще не родившимся ребенком. Кстати, себя Дити изобразила с огромным животом.

– А вон я на палубе «Ибиса», по одну руку от меня ваша тетушка Полетт, по другую Ноб Киссин-бабу. А за нами – Зикри-малум, Захарий Рейд, второй помощник.

В композиции панно самым удивительным было положение Дити: в отличие от всех других персонажей, твердо стоявших на палубах обоих судов, она как будто парила в воздухе и, запрокинув голову, устремляла взгляд к грозовым небесам. И вот эта ее поза вкупе с другими деталями картины создавала странное впечатление статичности, словно все происходило очень неспешно и размеренно.

Но стоило о том обмолвиться, как Дити возмущенно кричала:

– Гля-ко! Рехнулись, что ли? Надо ж такое удумать! Вся эта катавасия длилась минуты, не дольше! Просто чудо, что им удалось сбежать! И ничего бы не вышло, если б не серанг Али. Это он все придумал, его затея. Ласкары, конечно, были в курсе, но все делалось шито-крыто, и капитан ничего не проведаль. Задумано было ловко, этакую хитрость мог изобрести только баламут вроде серанга. Беглецы дождались, когда шторм загонит охранников и надзирателей вниз, и заклинили дверь центральной каюты. Али рассчитал, что и малумов не будет на палубе – уйдут передавать вахту. Китайчонку А-Фатту, самому проворному, было велено запереть их в каюте, а он взял да отправил в ад первого помощника – сунул ему ганшпуг под ребро. Но это обнаружилось уже после побега. Джоду выпустил меня из трюма, и я, ей-же-ей, подумала, что ослепла. Тьма хоть глаз коли, дождь стеной, только моляньи полыхают да гром так бухает, что вот-вот оглохнешь. Моим делом было отвязать вашего деда от мачты, но в такую-то непогоду поди справься...

Из рассказа выходило, что вся эта лихорадочная гонка заняла не больше пары минут, но Дити вдруг спокойно заявляла, что в обычном временном счислении ее прощание с мужем длилось бы час-другой. И это был не единственный парадокс в событиях той ночи. Полетт уверяла, что постоянно была рядом с Дити: с момента, как Калуа перетащили на баркас, и до той минуты, когда Захарий отправил их обратно в трюм. И все это время, говорила она, ноги Дити ни на миг не отрывались от палубы. Однако слова ее не могли поколебать уверенности Дити в том, что произошло за те скоротечные мгновения: она неизменно клялась, что потому-то и нарисовала себя парящей над шхуной, ибо сама мощь шторма ее подхватила и забросила в небо.

Слушатели подмечали, что Дити ничуть не сомневается в том, что вихрь поднял ее на высоту, дабы она, не испытывая ни малейшего страха, но только безмятежный покой, взглянула

на происходящее внизу. Как будто шторм, выбрав ее своим конфидентом и остановив течение времени, позволил ей все увидеть его глазами. И пока длилось то мгновенье, сквозь ветреную круговерть она видела «Ибис» и себя среди четырех фигур, укрывшихся под кварталдеком, а в отдалении – цепь островов, пронизанных глубокими протоками, рыбацкие лодки, спрятавшиеся в прибрежных бухтах, и какое-то странное суденышко, скользившее по проливу. И тогда шторм, точно родитель, направляющий взгляд ребенка на нечто интересное, чуть пригнул ей голову, и она поняла, что исхлестанное волнами суденышко – баркас с беглецами, которые, пользуясь затишьем в глазу бури, рвутся к ближайшему острову. Вот они высадились на берег, потом зачем-то перевернули баркас вверх дном и опять столкнули в воду, где его тотчас подхватил бешеный поток...

Чередой этих видений, утверждала Дити, длилась не больше нескольких секунд. Видимо, так оно и было, однако глаз бури дал передышку не только беглецам, но и охранникам с надзирателями, которые, едва стих ветер, стали дергать заклиненную дверь каюты и через минуту-другую могли вывалиться на палубу...

– Спас нас Зикри-малум, – рассказывала Дити. – Если б не он, быть страшной беде – жутко подумать, что стало бы с нашей троицей. Но малум успел затолкать нас обратно в трюм. На палубе никого не было, когда там появились конвоиры...

О том, что происходило дальше, обитатели трюма могли только догадываться. Казалось, в короткое затишье перед новым натиском ветра на «Ибисе» разразилась собственная буря: палуба дрожала от топота туда-сюда носившейся охраны. Потом вновь налетел ураган, слышались только рев ветра и грохот дождя.

Лишь много позже переселенцы узнали, что во всем случившемся обвинили Зикри-малума – мол, он один в ответе за бегство узников и Калуа, дезертирство серанга и ласкара и даже убийство первого помощника.

Обитатели трюма пребывали в полном неведении о том, что творилось наверху. Наконец их выпустили на палубу, но лишь для того, чтобы сообщить им о смерти пятерых беглецов. Обнаружен баркас с пробитым днищем, сказали охранники, и, стало быть, беглая сволота получила по заслугам. А Зикри-малум находился под арестом – капитану пришлось дать обещание разъяренным надзирателям, что по прибытии в Порт-Луи он передаст виновного властям.

– Бог ты мой, не описать, как всех сразили эти новости. Ласкары горевали по серангу Али, а гирмиты – по Калуа, Полетт оплакивала Джоду, он был ей как брат, и Зикри-малума, которому отдала свое сердце. И только мои глаза, скажу я вам, были сухи, ибо я ведала истину. Успокойся, шепнула я вашей тетушке Полетт, они живы и нарочно столкнули баркас в море, чтобы их сочли мертвыми и поскорее забыли. И о Зикри-малуме не печалуйся, не голоси, он все устроит, доверься ему. И вот через день-другой один ласкар, тиндал Мамбу его звали, принес ей сверток с мужской одеждой и прошептал: как придем в порт, переоденся, а уж мы найдем способ доставить тебя на берег. Я ничуть не удивилась, потому что все так и должно было случиться, как показал мне шторм, поднявший меня в небеса...

МалOVEROV, сомневающимся в рассказе Дити, всегда хватало. Многие ее слушатели, выросшие на острове, были близко знакомы с ураганами и не понимали, как это можно взглянуть на мир глазами шторма. Может, она все это вообразила, вспоминая те события? Или с ней случился припадок, в котором ее посетила галлюцинация? В правдоподобии таких видений сомневались даже самые покладистые родичи.

Но Дити была непреклонна: в предсказаниях по звездам, планетам и линиям руки вы верите? Согласны, что они могут поведают судьбу тем, кто умеет читать их знаки? А чем хуже ветер? И потом, звезды и планеты движутся по определенным орбитам, а вот путей ветра не ведают никто. Он властитель перемен и преображений, и она, Дити, всегда полагавшая, что судьбой ее управляют звезды и планеты, в тот самый день поняла: именно ветер предначертал ей новую жизнь на Маврикии, именно ветер устроил шторм, давший свободу ее мужу...

И вот тут Дити показывала на самую, пожалуй, примечательную деталь картины – изображение собственно шторма. Занимая верхнюю часть панно от края до края, он был представлен в виде гигантского змея, свернувшегося кольцами, которые, постепенно уменьшаясь в размере, венчались огромным глазом.

– Убедитесь, это ли не доказательство? – обращалась Дити к маловеерам. – Могла ли я вообразить око урагана, если б не видела его своими глазами?

2

Обычные люди, Колверы не отличались особой доверчивостью и воспринимали картину «Расставание» как своеобразную семейную реликвию, поскольку для иного не имелось рационального повода. Обратит внимание семейства на воистину провидческую деталь картины – а именно, глаз бури – выпало Нилу. Для того времени подобный подход к природной стихии был поистине революционным, ибо в 1838 году, когда случился шторм, ученые еще только предполагали, что ураган представляет собою завихрение воздушных масс вокруг безмятежного центра, то есть глаза.

Ко времени, когда Нил оказался в святилище, понятие «глаз бури» стало почти банальностью, но картина произвела на него столь сильное впечатление, что он четко припомнил, как лет десять назад впервые прочел в журнале статью об этом удивительно интересном явлении, породившем у него образ гигантского ока во вращающемся окуляре. Оно все разглядывает, что-то испепеляет, а другое оставляет нетронутым, выискивает новые возможности и создает иные начала, переписывает судьбы и сводит людей, которые иначе не встретились бы никогда.

Уже потом собственный опыт пережитого шторма обретет форму и смысл, а в то время Нил еще не понимал его значения. Но вот как неграмотная запуганная Дити могла обладать такой прозорливостью? Ведь о том знала лишь горстка самых выдающихся мировых ученых.

Это была загадка, и Нил, слушая рассказ Дити, как будто вновь переносился в глаз бури.

– ...И вот все вокруг кричат мне: ну же! скорее! А дед-то ваш, такой огромный, такой тяжелый... Добрался он до борта, и я падаю ему в ноги, молю его: позволь мне с тобою! А он меня отталкивает: нет! нельзя! подумай о нашем ребенке! Шторм ярится, ярится, а баркас с беглецами отвалил от шхуны и тотчас пропал из виду...

Нил будто вновь ощутил, как под ногами прогибаются доски палубы, как в лицо хлещет дождь, и даже обрадовался, когда тормозившие его детишки отогнали это невероятно реальное наваждение.

– Что случилось дальше, дядя Нил? Тебе было страшно?

– Тогда – нет. Страх накатывает, когда я о том вспоминаю, а в те минуты бояться было некогда. Ветер неистовствовал, и мы что есть мочи вцепились в леер, чтоб нас не смыло с баркаса, который, казалось, вот-вот перевернется. Каким-то чудом он удержался на плаву, а потом вдруг ветер стих, и мы, очутившись в глазу бури, успели пристать к берегу. Баркас хотели спрятать в укромном месте, но серанг Али нас остановил: нет, в нем надо сделать пробоины и столкнуть в воду. Мы это сочли безумием – как же тогда выберемся с острова? Тут проходит много судов, успокоил нас боцман, а баркас нас выдаст и накличет беду. Если его обнаружат, враги поймут, что мы живы, и будут преследовать до конца наших дней. Нет, пусть нас спишут в покойники, мы же начнем жизнь с чистого листа. И он, конечно, был прав.

– А потом? Что было потом?

– Первую ночь мы провели в скалах, укрывших нас от буйства шторма. Вообразите наше смятение: мы крепко потрепаны бурей, однако живы и, главное, свободны. Но что нам делать с этой свободой? Кроме серанга Али, никто не знал, где мы очутились. Мы думали, нас вынесло на необитаемый остров и нам грозит голод. Но очень скоро сей гнетущий страх развеялся. К рассвету шторм стих. В безоблачном небе засияло солнце, и мы, выйдя из укрытия, увидели тысячи кокосов, сбитых ветром и разбросанных по берегу и на мелководье.

Наевшись и напившись, мы с А-Фаттом провели короткую разведку. Судя по тому, что мы увидели, весь остров представлял собою поднимавшуюся из моря мощную гору, у подножья окаймленную темными валунами и золотистым песком. Выше был сплошной лес, густые джунгли, донага ободранные штормом и теперь представшие в виде бесконечной череды голых стволов и веток. Похоже, опасения наши подтверждались – мы и впрямь попали на необитаемый остров!

Но серанг Али ничуть не тревожился – улегся в теньке и спокойно уснул. Мы сочли за благо его не будить и, усевшись поодаль, ждали, снедаемые беспокойством. Вообразите наше нетерпение, когда он наконец проснулся: что теперь делать?

Вот тогда-то серанг и поведал, что местность ему знакома – в юности он не раз сюда приплывал в китайском сампане. Остров назывался Большой Никобар и был вполне обитаем – на побережье с другой стороны горы имелись поразительно богатые селения. Как так? – удивились мы. Серанг показал на стаи быстрокрылых птиц, носившихся в небе: видите? Здесь их называют «хинлен»; островитяне боготворят этих птах, источник своего богатства. Хоть с виду невзрачные, они обладают кое-чем невероятно ценным. – Чем же? – Гнездами. За них выкладывают кучу денег.

Вообразите, какое впечатление произвело это на трех индусов – вашего деда, Джоду и меня. Похоже, боцман держит нас за дураков, подумали мы.

Да кто, скажите на милость, станет платить за птичьи гнезда? – Китайцы. Они их варят и едят. – Как дхал? – Да. В Китае это чрезвычайно дорогой деликатес.

В полном недоумении мы посмотрели на А-Фатта: это правда? – Да, сказал он. Если речь о гнездах, в Кантоне известных как «янь-во», то они и впрямь очень ценны, не уступают любым деньгам, имеющим хождение на востоке. За гнезда хорошего качества выплачивают серебром или золотом сумму, равную их весу. В Кантоне за ящик гнезд отвалют восемь тройских фунтов золота.

Вот уж разбогатеем! – возрадовались мы. Всего-то и надо – отыскать и собрать гнезда. Но серанг Али нас быстро остудил. Птицы эти селятся в огромных пещерах, сказал он, и каждая такая пещера принадлежит определенному селению. Сунемся без спросу – живыми не уйдем. Сперва надо разыскать деревенского старосту, по-здешнему *омджах каруха*, испросить позволения, условиться о доле добычи и все такое прочее.

По счастью, Али был знаком с одним таким старостой, и мы отправились на поиски его деревни. Шли полдня и вот, наконец, отыскали этого *омджах каруха* на горном склоне. Он возглавлял большой отряд сборщиков, однако очень обрадовался лишним рабочим рукам.

Наверное, с час мы, изнемогая, карабкались вверх по склону и, добравшись до пещеры, застыли, потрясенные зрелищем. Яркий солнечный свет, отраженный полом, густо укрытым птичьим пометом цвета слоновой кости, явил нам невиданных размеров грот. Его отвесные стены высотой в сотни футов были сплошь усеяны белыми гнездами, создававшими впечатление облицовки жемчужными раковинами.

В основном гнезда располагались высоко, однако некоторые были не так уж далеко от земли – примерно на уровне моего плеча. В одном я увидел птичку размером меньше ладони. Она не шелохнулась, даже когда я взял ее в руку, ощутив биение ее сердца. Выглядела она неброско: не больше восьми дюймов в длину, черные и коричневые перышки, белое брюшко, раздвоенный хвост, серповидные крылья. Позже я узнал название этих птиц – саланганы. Я

разжал пальцы, и птичка взмахнула крыльями, но взлететь смогла, лишь когда я подбросил ее в воздух.

Шторм нанес колонии серьезный урон, сорвав со стен и разбросав по полу изрядно гнезд, которые, очищенные от перьев, веток и пыли, предстали перед нами в своей переливчатой белизне. С первого взгляда было видно: они изготовлены из совсем иного материала, нежели тот, какой используют для постройки своих жилищ другие птицы. Тонкие волокна, уложенные по кругу, придавали гнездам вид мастерски выполненного изящного изделия. Маленькие и легкие, штук семьдесят этих гнезд весили не больше одного кантонского ганя или китайского катти, равных двадцати одной английской унции.

Мы собрали тысячи гнезд и затем помогли отнести их в деревню. В награду за труды нам оставили часть добычи, не обогатившую нас, но позволившую продолжить путь.

Получив необходимый капитал, мы поняли, что перед нами неожиданно большой выбор дорог. На севере – бирманское побережье Тенассерим с оживленным портом Мергуи; на юге – султанат Ачех, одно из богатейших княжеств региона; на востоке, в нескольких днях пути – Малакка и Сингапур.

Мы понимали, нам нужно разделиться, ибо группой мы привлечем ненужное внимание. Серанг Али нацелился на Мергуи, и Джоду решил составить ему компанию. А-Фатт, в свою очередь, выбрал Сингапур и Малакку, где с недавних пор обосновались его родственники – сестра с мужем.

Маддоу Колверу и мне решение далось нелегко. Первым порывом вашего деда было добраться до Маврикия, чтобы воссоединиться с вашей бабушкой. Однако он сообразил, что на маленьком острове затаиться непросто и как только его обнаружат, сразу отправят в тюрьму, а то и на виселицу. Со мной та же история: жена Малати и сын Радж Раттан остались в Калькутте, и я жаждал увезти их оттуда, но о моем скором возвращении непременно стало бы известно.

Мы всё обсудили, обдумали, и ваш дед решил присоединиться к серангу Али и Джоду, поскольку до Мергуи путь был короче. А за меня решил А-Фатт. Вдвоем мы много пережили и стали близкими друзьями. Он уговаривал меня вместе с ним отправиться в Сингапур и Малакку, и я в конце концов согласился.

Вот так мы расстались. Серанг Али договорился, что малайское *проа*, направлявшееся в Мергуи, возьмет трех пассажиров. А мы с А-Фаттом дождались бугийскую¹⁰ торговую шхуну, сделавшую остановку на пути в Сингапур.

– А потом? Что было дальше?

Сжалившись над Нилом, Дити одернула ребятишек:

– Уймись! Совсем замучили дядюшку своими вопросами! Он тут на празднике, ему недосуг с вами ласы точить. Хватит балаболить, ступайте поешьте лепешек.

Однако после ухода малышей выяснилось, что ее вмешательство преследовало иную цель. Дити протянула Нилу уголек:

– Давай, твой черед.

– На что?

– Добавь свой рисунок. Ты же был с нами на «Ибисе», а это – наш поминальный храм. Все, кто его посетил, оставили рисунки – Зикри-малум, Полетт, Джоду. Теперь твоя очередь.

Нил не нашел причины отказать.

– Ладно, – сказал он. – Попробую.

Художник из него был никакой, однако он взял уголек и, помешкав, приступил к работе. Вернувшиеся ребятишки сгрудились за ним и, подбадривая его, переговаривались:

– Вроде, человека рисует, да?

– Точно. Вон борода, тюрбан...

---

¹⁰ Бугийцы – народность в южной части острова Сулавеси.

- А сзади корабль, что ли? Вон, три мачты...
- Возраставшее любопытство озвучила Дити:
- Кто это?
- Сет¹¹ Бахрам-джи.
- А кто он?
- Отец А-Фатта. Сет Бахрам-джи Навроз-джи Моди.
- А что это у него за спиной?
- Его корабль. «Анахита»¹².

Позже было много споров, пострадала ли «Анахита» от того же шторма, что накрыл «Ибис». Имевшаяся информация позволяла сделать только одно определенное заключение: ненастье застигло ее в менее чем ста милях к западу от Большого Никобара на пути к проливу Десятого градуса. Шестнадцатью днями ранее корабль покинул Бомбей и транзитом через Сингапур направлялся в Кантон.

Поначалу все складывалось благополучно, и «Анахита» на всех парусах проскочила сквозь несколько шквалов. Этот стройный изящный трехмачтовик был из тех немногих судов бомбейской постройки, что регулярно опережали самые быстроходные английские и американские транспортировщики опия, даже такие легендарные, как «Красный пират» и «Морская ведьма». В нынешнем рейсе «Анахита» уже показала отличное время и, похоже, готовилась установить новый рекорд. Однако в Бенгальском заливе сентябрьская погода печально известна своей непредсказуемостью, и потому, едва небеса начали темнеть, капитан, молчун-новозеландец, не мешкая приказал убрать паруса. Когда ветер достиг ураганной силы, через вестового капитан попросил своего работодателя сета Бахрам-джи до конца шторма оставаться в хозяйской каюте.

Минут час, другой, и Бахрам все еще сидел в своих апартаментах, когда к нему влетел его управляющий Вико с известием, что в трюме разболтался груз опия.

- *Киа!* Не может быть!
- Но оно так, патрон. Надо что-то делать, и поскорее.

Бахрам поспешил следом за управляющим, стараясь не оступиться на скользких трапах. В качку отомкнуть замки на цепях трюмного люка, наглухо задрасненного от воров, было непросто. Когда наконец-то Бахрам смог опустить фонарь в люк, он увидел нечто невообразимое.

Кормовой трюм почти весь был занят грузом опия. Под ударами волн крепеж лопнул, и ящики рассыпались, выронив свое содержимое. Разлетевшись, точно пушечные ядра, глиняные шары-футляры разбились о переборки.

Мутно-бурый по цвету и кожистый на ощупь, данный вид опия от жидкости размякал. Корабелы, строившие «Анахиту», учли это обстоятельство и, проявив немалую смекалку, постарались сделать трюм водонепроницаемым. Однако шторм так трепал судно, что стыки досок дали течь. Ослабленные влагой, пеньковые канаты порвались, и рассыпавшиеся ящики разбились, выпустив свой груз. И теперь на полу трюма плескалось, согласуясь с качкой, клейкое пахучее месиво.

Такого еще не случалось. Бахрам не раз попадал в штормы, но подобного безумия не бывало. Он считал себя аккуратистом и за тридцать лет в китайской торговле выработал собственные правила доставки опийного груза. Сейчас он вез опий двух видов: две трети трюма занимала «мальва» – продукт западной Индии, сбывавшийся в форме шариков, весьма напоминавших пальмовый сахар. С ним особо не чикались, упаковкой ему служили только листья и маковый мусор. А вот второй вид, «бенгали», упаковывали тщательнее: опийный кругляш

---

¹¹ Сет – обращение к почтенному человеку.

¹² Анахита – богиня воды и плодородия в зороастрийской мифологии.

помещался в твердый глиняный футляр, размером и формой похожий на пушечное ядро. В каждом ящике, простеленном листьями, соломкой и прочими маковыми отходами, покоились сорок таких ядер. Ящики, изготовленные из крепкой древесины манго, надежно сберегали свой груз все три-четыре недели, обычное время рейса из Бомбея в Кантон. Лишь протечки и сырость изредка наносили незначительный ущерб. Дабы избежать и его, Бахрам оставлял просветы между рядами ящиков, чем обеспечивал циркуляцию воздуха.

Правила себя оправдали: за долгое время, что Бахрам курсировал между Индией и Китаем, после каждого рейса он списывал в убыль не больше одного-двух ящиков. И так уверовал в свой способ транспортировки, что не удосужился заглянуть в трюм, когда начался шторм. Лишь грохот падающих ящиков встревожил корабельную команду, известившую Вико: с грузом что-то неладно.

И вот сейчас Бахрам смотрел на ящики, бившиеся о переборки, точно плоты – о рифы, и шары-футляры, что колошматились о балки, исторгая опийную шрапнель.

– Беда, Вико! Надо лезть в трюм и спасать что еще уцелело!

Здоровяк Вико, полное имя Викторино Мартинхо Соарес, обладал внушительным брюхом, смуглым лоснящимся лицом и глазами навывкате, в которых навеки застыла настороженность. Сын служащего Ост-Индской компании, родом он был из деревеньки Васай, иначе – Бас-сайн, что неподалеку от Бомбея. На службу к Бахраму он поступил лет двадцать назад и, кое-как владея уймой наречий, в том числе и португальским, неизменно величал хозяина «патроном». Поднявшись до ранга управляющего, Вико не только руководил челядью, но выступал в роли советника, посредника и делового партнера Бахрама. Уже давно он вкладывал часть своего жалованья в коммерцию хозяина, и в результате сам стал вполне зажиточным человеком, владеющим недвижимостью не только в Бомбее, но и других местах. Набожный католик, в память о матери он даже возвел часовню.

Вико по-прежнему сопровождал хозяина в поездках, но уже не по необходимости, а по целому ряду иных причин, среди которых пригляд за судьбой своих вложений был далеко не последним. В нынешнем грузе «Анахиты» он имел существенную долю, и оттого не менее Бахрама тревожился о его сохранности.

– Ждите здесь, патрон, – сказал Вико. – Я призову на помощь ласкаров. Сами вниз не лезьте.

– Почему?

Вико уже был готов уйти, однако пояснил:

– Случись что, и окажетесь в ловушке. Дождитесь меня, я быстро.

Однако в данных обстоятельствах последовать сему бесспорно дельному совету было нелегко. Для непоседы Бахрама покой был хуже пытки, и в минуты безделья он, борясь со своей неугомонностью, вечно притоптывал ногой, щелкал языком и хрустел фалангами пальцев. Сейчас он свесился в люк, и его накрыло облаком вздымавшегося испарения – опий-сырец, размякший в трюмной воде, источал приторно-сладкую удушливую вонь, от которой мутилось в голове.

В юные годы Бахрам, стройный, гибкий и резвый, сиганул бы вниз, не задумываясь, но теперь ему было под шестьдесят, суставы его слегка заржавели, и он весьма раздался в талии. Однако этакая тучность (если слово уместно) не казалась болезненной, он выглядел бодрым молодцом, что подтверждали прекрасный цвет лица и румянец на щеках. Ждать и полагаться на волю случая было не в его характере, а потому он скинул *чогу*¹³ и, невзирая на сильную качку, по шаткому трапу стал спускаться в трюм.

Цепляясь локтем за железные перекладыны, в другой руке он крепко сжимал фонарь. Однако, несмотря на всю свою предосторожность, Бахрам не был готов к липкой слизи, укрыв-

¹³ Чога – кафтан, традиционная мужская одежда Раджастана.

шей пол. Листья и прочий маковый мусор, высыпавшиеся из ящичков, превратились в скользкое слякотное месиво, и теперь трюм напоминал загаженный коровами хлев.

Сойдя с трапа, Бахрам тотчас поскользнулся и ничком упал в навозную слякоть, однако сумел перевернуться на спину и сесть, упершись затылком в деревянную балку. Фонарь погас, вокруг была непроглядная тьма; Бахрам промок от верхушки тюрбана до подола длинной рубахи *ангаркхи*, в кожаных туфлях чавкало опийное месиво.

К щеке его прилипло что-то мокрое и холодное. Он хотел это смахнуть, но тут корабль дал сильный крен, опять посыпались ящички, и рука, мазнув по щеке, придвинула неведомую гадость к губам. Шибануло одуряющим запахом опия. Бахрам лихорадочно заскреб по лицу, стараясь избавиться от мерзкой липучки, но свалившийся ящик пихнул его под локоть, и он ненароком протолкнул ошметок опия себе в рот.

Потом наверху вспыхнул свет фонаря, из люка донесся встревоженный голос:

– Патрон! Патрон!

– Вико, помоги!

Пятно фонаря стало медленно спускаться по шаткому трапу. Очередной крен судна отбросил Бахрама в сторону, и он едва не захлебнулся опийной жижей, облепившей все лицо. Перед глазами его, как перед взором утопающего, промелькнула череда лиц: жены Ширинбай, что ждала его в Бомбее, двух дочерей, любовницы Чимей, не так давно почившей в Кантоне, и сына, которого она ему родила. И вот ее-то лицо исчезло не сразу – Чимей как будто смотрела ему прямо в глаза, пока он, задыхаясь и отплеываясь, пытался сесть, и казалась настолько реальной, что он к ней потянулся, но рука его ткнулась в фонарь Вико.

Бахрам невольно ощупал свой *кошти* – священный кушак из семидесяти двух шнуров, который всегда носил на поясе. С детства кошти был его талисманом, защищающим от ужасов непознанного, но сейчас и он насквозь промок.

И тут, заглушая рев шторма, раздался страшный треск, словно корабль разламывался на куски. Шхуна круто завалилась на правый бок, Бахрама и Вико отбросило к борту. Высыпавшиеся опийные кругляши градом стучали по балкам, каждый из них стоил немалой суммы серебром, но сейчас об этом никто не думал. Казалось, вот-вот «Анахита» перевернется килем вверх.

Но корабль медленно, как бы нехотя, выровнялся, потом завалился на левый борт и вновь на правый, после чего обрел неустойчивое равновесие.

Каким-то чудом фонарь не погас.

– Что случилось, патрон? – спросил Вико, когда качка немного унялась. – Почему вы так смотрели? Что вы увидели?

С головы до ног перемазанный бурой слизью, управляющий выглядел жутковато. Он всегда уделял большое внимание своему внешнему виду и одевался в европейской манере, но сейчас изгвазданные опием сорочка, жилет и брюки выглядели уродливой коростой. А на лице, с которого стекала мутная жижа, дико сверкали белки больших выпуклых глаз.

– О чем ты?

– Вы как будто увидели призрака.

Бахрам потрянул головой.

– *Кай най*. Пустяки.

– И еще вы позвали...

– Сына Фредди?

– Да, только назвали его иначе, китайским именем...

– А-Фатт?

Вико знал, что хозяин почти никогда так не называет сына.

– Глупости. Ты, наверное, ослышался.

– Нет, уверяю вас. Я хорошо расслышал.

Бахрам был как в тумане, язык его еле ворочался.

– Видимо, испарения... опий... – пробормотал он. – Что-то помнилось...

Вико озабоченно нахмурился и под руку повел хозяина к трапу.

– Патрон, вам надо отдохнуть. Ступайте в свою каюту, я тут за всем присмотрю.

Бахрам окинул взглядом трюм. Впервые его благополучие так зависело от конкретного груза, и еще никогда ему не была так безразлична дальнейшая судьба его дела.

– Ладно, Вико. Откачай воду и спаси, что сможешь. Потом сообщишь, насколько велик ущерб.

– Слушаюсь, патрон. Не спешите, потихоньку.

Из-за качки (а может, головокружения) подъем по трапу показался нескончаемым. Но Бахрам не торопился, был очень осторожен и делал остановки, чтоб отдышаться. Полудюжина ласкаров, столпившаяся возле люка, расступилась, глядя на него в немом изумлении. Бахрам опустил глаза и понял, что он тоже весь в коросте размякшего опия. В голове его бухало, когда он, собравшись с силами, выбрался из люка. Вкус опия был ему не внове: наведываясь в Кантон, он порой выкуривал трубочку-другую, однако принадлежал к числу счастливых, не попавших под несокрушимую власть зелья, и никогда по нему не тосковал. Но вот оказалось, что одно дело – вдохнуть опийный дым, и совсем другое – заглотить размякший клейкий сырец. Бахрам был не готов к внезапно накатившей слабости и противной тошноте; он и думать забыл о понесенных убытках, перед взором его, вдруг обретшим ясноту, неотлучно стоял образ Чимей. Словно китайский фонарик, лицо ее освещало путь, пока тесными коридорами он пробирался на полуют, где размещались офицерские каюты и его собственные роскошные апартаменты.

Кабюта Бахрама была в конце длинного прохода с множеством дверей. Возле одной из них сгрудились ласкары; заметив хозяина, тиндал сказал:

– Сет-джи, секретарь ваш сильно расшибся.

– Что случилось?

– Болтанкой его скинуло с койки, да еще придавило свалившимся сундуком.

– Выживет?

– Поди знай.

Секретарь, старик-парс, служил уже много лет и вел всю деловую корреспонденцию. Бахрам не представлял, как без него справится, но горевать не было сил.

– Еще какие-нибудь потери? – спросил он.

– Двоих смыло за борт.

– А что с кораблем?

– Разбита носовая часть, сорвало стаксель.

– И ростру?

– Да, сет-джи.

Нос корабля украшала фигура покровительницы вод богини Анахиты – семейная реликвия жениных родичей, владевших судном. Конечно, семья Мистри сочтет это дурным знаком, но пока что надо разобраться со своими знаменьями. Сейчас хотелось одного – поскорее зайти в каюту и скинуть грязную одежду.

– Проследи, чтоб о секретаре позаботились, извести капитана...

– Будет исполнено, сет-джи.

Вклад Дити в портретную галерею святилища Нил распознал без подсказки, увидав мужской профиль, похожий на карикатурное изображение полумесяца, которому приданы человеческие черты: нос, точно длинный обвислый хобот, брови торчком, загнутый клин бороды.

– Узнаешь? – спросила Дити.

– Конечно. Мистер Пенроуз.

Такую личность забыть нелегко: впалые, изборожденные морщинами щеки, кустистые брови, задранный подбородок, изогнутый, как лезвие косы. При ходьбе этот высокий и очень худой человек сильно клонился вперед, словно систематизируя травы, примятые его ногами. Абсолютно равнодушный к своему внешнему виду, он не замечал соломин в бороде и репьев на чулках, а залатанная одежда его вечно была чем-то испятнана. Когда он впадал в глубокую задумчивость (что бывало часто), его борода клином и косматые брови шевелились и подергивались, словно подавая знак окружающим: не беспокоить по пустякам. Причем сия мимика не была данью возрасту, этак он гримасничал с самого детства, за что и получил прозвище Хорек, поскольку в такие минуты весьма напоминал опасливо приюхивающегося зверька.

Однако вопреки всем этим странностям держался Хорек с достоинством, а взгляд его светился умом, что не позволяло счесть его придурковатым чудиком. Вообще-то Хорек, Фредерик Пенроуз, был хорошо образованным и весьма обеспеченным человеком: известный садовод и собиратель растений, он сколотил солидный капитал, продавая семена, саженцы, черенки и садовую утварь; в Англии пользовались большим спросом его патентованные скребки для мха, резак для коры и огородные культиваторы. Питомник «Пенроуз и сыновья», головное предприятие, располагавшееся в Фалмуте, графство Корнуолл, славился импортом из Китая растений, чрезвычайно популярных на Британских островах, – таких как определенные виды плюмбаго, цветущая айва или аюкантера.

Именно охота за растениями и привела Хорька в восточные края, куда он добрался на собственном судне, двухмачтовом бриге «Редрут».

В Порт-Луи бриг вошел через два дня после «Ибиса», совершив плавание, также отмеченное бедами и трагедией. Хорек перенес путешествие тяжелее всех, и команда настояла, чтоб он отдохнул на берегу. Следующий по прибытии день выдался ясным, и два матроса, в шлюпке перевезя хозяина на берег, наняли ему лошадь, дабы он посетил Ботанический сад Памплемуса.

В общем-то, ради этого сада, одного из первых заведений подобного рода, «Редрут» и зашел в Порт-Луи. Среди его основателей и управляющих были такие известные в ботанике фигуры, как Пьер Пуавр, выявивший истинный черный перец, и Филибер Коммерсон¹⁴, открывший бугенвиллею. Если б у садоводов существовали места поклонения, сад Памплемуса, несомненно, стал бы одной из наиболее почитаемых святынь.

От порта до поселка было не больше часа езды. Однажды на обратном пути из Китая Хорек уже посетил этот сад. Тогда остров был французской колонией, а теперь стал британским владением, претерпев заметные изменения. Как ни странно, Хорек без труда отыскал дорогу к поселку. На обочине он подметил великолепные экземпляры растения, известного под названием «неопалимая купина». В другое время такая находка его бы взбудоражила и обрадовала, он бы спешил, дабы рассмотреть обилие пламенеющих цветков, но сейчас, пребывая не в лучшем расположении духа, проехал мимо.

Поселок возник неожиданно.

Ярко выкрашенные бунгалю, беленые известью церкви и мощные мостовые, по которым мелодично цокали лошадиные подковы, радовали глаз. Дома и улицы именно такими и запомнились. Но вот Хорек обратил взор к Ботаническому саду и едва не выпал из седла: вместо широких живописных аллей в аккуратной кайме деревьев он увидел дикие заросли. Хорек тряхнул головой, отгоняя наваждение, и протер глаза: ворота были на месте, но за ними расстилались джунгли.

Натянув повод, он обратился к прохожей старухе:

– Мадам, как проехать к саду?

---

¹⁴ Пьер Пуавр (1719–1786) – французский ботаник-исследователь, интендант острова Маврикий. Филибер Коммерсон (1727–1773) – французский ботаник, медик и естествоиспытатель.

Та скорбно поджала губы и прошамкала:

– Ах, мсье... сада больше нет... считай, уж лет двадцать... англичане сгубили...

Качая головой, старуха зашагала дальше, оставив Хорька в одиночестве.

Он был опечален, однако не слишком удивлен тем, что его соотечественники в ответе за гибель сада. Со смертью сэра Джозефа Бэнкса, последнего управляющего Королевских садов Кью, даже в Англии ботанические заведения пришли в упадок, и немудрено, что такая же участь ожидала сад в далекой заморской колонии. Однако это не смягчило горечи от царившего здесь запустения: неухоженные кроны деревьев срослись в плотный полог, укутавший бывшие клумбы и мощеные дорожки густой тенью; повсюду, куда ни глянь, непроходимая стена зарослей; необрезанные воздушные корни бенгальских смоковниц, часовыми высившихся у ворот, сплелись в крепостную решетку, преграждавшую путь незваным гостям. Но это были не девственные джунгли, ибо ни в одной дикой чаще не встретишь такого изобилия особей с разных континентов. В природе не существовало леса, где африканские вьюны опутали китайские деревья, а индийский кустарник сошелся в смертельном объятье с бразильской лозой. Сей ботанический Вавилон сотворил человек.

Хоть в расстроенных чувствах, Хорек сообразил, что ему выпал исключительный шанс. Одичавшее или нет, уголье хранило в себе множество редких растений, и коль теперь оно ничье, вряд ли кто обвинит в воровстве ботаника, присвоившего парочку ценных экземпляров.

Привязав лошадь к изъеденной ржавчиной стойке ворот, Хорек нырнул под сплетение корней смоковниц, загородившее вход. Однако сделал всего несколько шагов и замер, вдруг осознав, что сад не так уж безлюден, каким выглядел – на влажной земле виднелись свежие следы башмаков. Хорек задумался. Говорят, кое-где на острове иногда еще случался разбой, и вполне вероятно, что следы эти оставил какой-нибудь лихой душегуб. Уведомленный о возможной угрозе, Хорек запасся пистолетом и мачете. Проверив заряд, он спрятал пистолет в карман, достал мачете из ножен и двинулся в чашу, не сводя глаз со следов.

Сырая земля предательски чавкала, и потому Хорек, вскидывая ноги, ступал осторожно, точно канатоходец. Вскоре следы скрылись в зарослях, и он, остановившись, огляделся. Вроде бы никого, но чутье подсказывало: тут кто-то есть, и совсем близко. Крадучись, Хорек сделал еще пару шагов и замер, услышав тихий звук, в котором безошибочно распознал скрежет лопаты о землю.

Похоже, звук доносился из просвета меж деревьев; прячась за стволами высокого бамбука, Хорек двинулся вперед и через минуту увидел спину человека, одетого в штаны и рубаху навыпуск. Сидя на корточках, тот копал яму, намереваясь, видимо, скрыть уворованное добро или мертвое тело.

Чуть сместившись, Хорек получил лучший обзор и с удивлением понял, что ошибся: человек копал вовсе не яму, но скорее лунку под саженец. И в руке он держал садовый совок, каким не выроешь схрон или могилу. Наметанным глазом Хорек определил, что незнакомец привычен к сему инструменту. Тут человек сдвинулся в сторону, приоткрыв нечто, похожее на ведро с торчащим штырем. Хорек взгляделся и опешил, узнав посадочную машинку – профессиональный садовый инструмент для безболезненной пересадки растений.

Черт-те что. Поди разберись, кто это: лиходей, притворяющийся садовником, или садовод, изображающий разбойника? А может, коллега-натуралист, тоже решивший пожить в дармовщинкой? Вероятно, последнее.

Незнакомец чуть развернулся; Хорек видел только край его щеки, но понял, что никакой это не головорез, а безусый паренек. Он вроде как безоружен и никакой опасности не представляет.

Хорек уже раздумывал, как деликатнее объявить о своем присутствии, но тут под ногой его громко хрустнула бамбуковая ветка. Парень резко обернулся; в глазах его полыхнул испуг, когда за деревьями он увидел Хорька со сверкающим мачете в руке.

– Прошу прощения, юноша...

Хорьку было неловко за свое шпионство, и он бы не осудил незнакомца, если б тот его обругал или даже чем-нибудь кинулся. Однако руки молодого садовника не стали нашаривать камень, но согласованно взметнулись к горлу и, сложившись крестом, прикрыли грудь незастигнутой рубахи. Этот жест укрепил благоприятное впечатление о юноше, ибо и сам Пенроуз с детства был приучен к тому, что без сюртука появляться на людях неприлично. Он поспешил к молодому человеку, дабы толком принести извинения и представиться, но тот вдруг развернулся и задал стрекача, ломясь сквозь чащобу.

– Постойте! Я не сделаю вам ничего дурного! – крикнул Хорек, однако парень уже скрылся в зарослях.

В посадочной машинке угнездились какое-то серовато-синее растение, похожее на сочный отросток кактуса, но разглядывать его было некогда. Хорек кинулся вдогонку за беглецом, с помощью мачете прорубая себе дорогу.

Незнакомца давно и след простыл, но Хорек, весь в репьях и колючках, упрямо торил путь сквозь дурнолесье и наконец выбрался на заросшую высокой травой поляну, по краям которой высились, словно украшая проспект, ровные шпалеры пальм. На дальнем конце поляны виднелся полускрытый разросшимися кронами небольшой, но очень ладный дом в плачевном состоянии: на крыше и в стенах, пробив черепицу и обшивку, пустили корни цепкие деревья, укрытые вьюном ставни распахнулись и печально покачивались, скрипя петлями.

Хорек помнил этот дом, который ему показали в его прошлое посещение острова – это был Монплезир, построенный самим великим Пьером Пуавром. На подходе к дому Хорек, охваченный священным трепетом, замедлил шаг – подумать только, здесь жил человек, давший свое имя целому виду пряности! Наверное, такое же чувство посещает паломника, в дикой глуши узревшего руины храма. Забавно только, что данный храм поглотила Природа, в честь которой он был воздвигнут.

Хорек уже собрался взойти на растрескавшиеся плиты крыльца, как вдруг в дверях возник юный садовник, теперь надлежаще одетый в сюртук и шляпу, однако с толстой дубинкой в руке.

Хорек положил мачете на землю и подал руку:

– Я Фредерик Пенроуз по прозвищу Хорек. Вреда вам не причиню, можете сложить оружие.

– Это уж мне решать, сэр, – отрезал парень, игнорируя протянутую ладонь. – Сперва хотелось бы узнать, что привело вас сюда.

По-английски он говорил свободно, но что-то в его речи показалось странным – не столько панибратская манера, сколько интонация, в которой проскальзывали нотки, свойственные ласкарам.

– Я жду ответа, сэр. – Тон парня стал чуть жестче.

Хорек переступил с ноги на ногу и почесал бороду.

– Вероятно, мы с вами преследуем одну цель.

Парень нахмурился, будто услышав бессмыслицу. Присмотревшись, Хорек понял, что его визави, чьи щеки еще не покинул юношеский румянец, даже моложе, чем показался вначале. Однако он ничуть не тушевался, хотя иной его ровесник выказал бы робость, а то и страх.

– Не понимаю, сэр, как вы можете судить о схожести наших целей, ежели вам не ведомы причины моего пребывания здесь.

– Просто я видел, как вы копали лунку под кактус.

Юный садовник сощурился, на лице его промелькнула усмешка.

– Вы ошибаетесь, сэр, я уж давно не имею дела с кактусами.

Хорек озадачился: что за нужда отрицать очевидное?

– О чем вы, милсдарь? – спросил он чуть досадливо. – Я не мог обознаться, поскольку своими глазами видел кактус.

Юнец равнодушно пожал плечами:

– Ничего страшного, сэр, не переживайте. Ваш промах вполне извинителен, ибо многие впадают в подобное заблуждение.

– Тогда что же это? – вскипел Хорек, не привыкший к этакой снисходительности. – По-вашему, я столь несведущ в ботанике, что не распознаю кактус?

Парень расплылся в улыбке.

– Раз уж вы так в себе уверены, мистер Пенроуз, может, заключим пари?

– Ах вон оно что! – Хорек не был азартен, но достал из кармана серебряный доллар. – Вот моя ставка. Надеюсь, вам есть, чем ответить.

– Идемте! – оживился парень. – Я покажу вам материнское растение, и вы сами все поймете.

Жестом пригласив следовать за ним, он нырнул в высокую траву. Хорек старался не отстать, но вскоре выдохся, ибо юнец несся, как на почтовых.

– Куда вы, черт возьми, учесали? – остановившись, крикнул ботаник.

– Я здесь.

Хорек пошел на голос и наконец увидел юного садовода, присевшего на корточки перед задрапированной мхом каменной скамьей, из-под которой выглядывало колючее растение, полузадушенное вьюном. Наросты с крохотными шипами тотчас уведомили Пенроуза, что он и впрямь допустил позорную дилетантскую ошибку.

– Ну как, сэр, убедились, что это не кактус, а молочай? – ликующе спросил парень. – Данный вид Линней назвал *Euphorbia regis-jubae*. К несчастью, эта прекрасная особь вымирает, вот потому-то я и пытаюсь ее расплодить.

Пристыженный Хорек уселся на скамью.

– Что ж, спору нет, я выставил себя дурбенею. – Он достал из кармана доллар. – Вот, вы честно выиграли пари.

Парень молча выставил ладонь и, приняв выигрыш, уставился на него, словно в жизни не видел испанскую монету.

– А где вы живете? – спросил Хорек.

– Как – где? Здесь и живу.

– В смысле, в доме? Но ведь он разрушен.

– Ничуть, сэр. Идемте, я вам его покажу.

И опять последовала дикая гонка сквозь высокую, чуть не в рост человека, траву. Когда взопревший Хорек, отдуваясь, прибыл к Монплезиру, парень уже поджидал его на крыльце.

– Убедитесь сами, что дом вовсе не такая развалина, какой выглядит снаружи, – сказал он, точно хозяин, гордый своей обителью.

Хватило одного взгляда, чтобы удостовериться в истинности этих слов: несмотря на пол в шматах пыли и затянутые паутиной углы, было видно, что дом не поддавался натиску разрухи. Правда, ни мебели, ни других аксессуаров жилья.

– А где же вы спите? – спросил Хорек.

– Здесь достаточно места, сэр. Взгляните.

Парень открыл следующую дверь, и Хорек прошел в чисто убранную комнату, где приятно пахло полынью, пучками лежавшей на каминной полке и подоконниках. Посреди комнаты скирдой виселось спальное ложе, сооруженное из тюфяков и покрывал, угол комнаты занимали протертые от пыли стол и кресло. Внимание Хорька тотчас привлекла рукопись в кожаном переплете, раскрытая на странице с рисунком от руки, выполненным яркими красками.

Пенроуз не устоял перед искушением получше рассмотреть иллюстрацию, представлявшую неведомое ему растение с продолговатыми листьями. Ниже был текст на французском и латыни, который он не одолел.

– Так это ваша работа?

– Нет-нет, только рисунок, все прочее не мое.

– А чье же?

– Моего... дядюшки. Он был ботаником и обучил меня всему, что я знаю. Увы, дядя умер, не закончив свой труд, вот мне и пришлось им заняться.

Заинтересованный, Хорек пошевелил бровями. В маленьком, почти по-семейному тесном сообществе натуралистов все друг друга знали, если не лично, то понаслышке.

– Позвольте узнать имя вашего дядюшки?

– Ламбер. Пьер Ламбер.

Хорек придушенно вскрикнул и плюхнулся в кресло.

– Мусью Ламбер! Так он вам дядя? По чьей линии?

Юный садовник вдруг стал заикаться:

– Он... это... брат моего отца, и я, Поль Ламбер... ему, значит, племянник. Его дочь Полетт – моя кузина.

– Вот как?

Пенроуз и сам не отрицал, что он нелюдим, однако в наблюдательности ему не откажешь, и он сумел сложить одно с другим: смущенный испуг, с каким «парень» прикрыл руками грудь, пучки полыни в спальне... Он вновь повернулся к рисунку, разглядывая подпись.

– Чье, говорите, это творение?

– Мое, сэръ, а что?

Хорек пригнулся к листу.

– Однако, если не ошибаюсь, его автором значится не Поль, а Полетт.

Кроме Бахрама, лишь Вико знал о трех тысячах ящиках с опиумом в кормовом трюме «Анахиты». Оба приложили немало сил, чтобы сохранить это в тайне: выписывали липовые накладные, тасовали бригады грузчиков, меняли маркировку ящиков. Огласка создала бы массу сложностей: затруднила страховку и увеличила риск воровства и пиратского абордажа, поскольку данный фрахт был самым дорогостоящим не только в практике Бахрама, но, возможно, во всей истории грузов, когда-либо покидавших Индию.

Мало кто из других коммерсантов, не имеющих таких связей и репутации, взялся бы за подобную перевозку: редкий индийский купец мог похвастать тем, что сделал больше трех-четырёх ходок в Кантон, Бахрам же за свою карьеру совершил пятнадцать рейсов. Кроме того, он, считай, единолично создал в бомбейской фирме Мистри экспортный отдел, который проворачивал крупные и неизменно доходные торговые операции.

Одна из наиболее солидных компаний, однако, имела традиционно узкую специализацию, почти не отвлекаясь на что-либо другое, кроме судостроения и проектных работ. Торговый отдел стал детищем Бахрама, сумевшего вписать это маленькое подразделение в респектабельную структуру знаменитой верфи. Встретив немалое сопротивление со стороны фирмы, он преуспел в затее благодаря своей беззаветной преданности тестю Рустам-джи Пестон-джи Мистри – патриарху, который принял его в лоно семьи и дал ему путевку в жизнь.

Как и все прочие, чью судьбу переменяло выгодное супружество, Бахрам как никто другой почитал доброе имя новой семьи, но в его случае почтение было окрашено еще безмерной благодарностью за возможность вырваться из унижительных жизненных условий, сопутствовавших его детству.

Некогда родная семья Бахрама, процветающая и уважаемая, занимала видное место в обществе города Навсари, что в прибрежном штате Гуджарат. Дед Бахрама, известный ману-

фактурщик, имел хорошие связи в княжеских столицах, таких как Барода, Индор и Гвалиор. Однако на закате жизни он, прежде столь благоразумный, сделал ряд опрометчивых вложений, затянувших его в трясину непомерного долга. Человек, железно верный своему слову, он выплатил все до последнего гроша, чем вверг семью в пучину столь ужасной нищеты, когда, как говорится, не свести концы с концами. Переезд из роскошного *хавели*¹⁵ в квартирку на краю города оказался роковым для самого старика и его слабого здоровьем сына, страдавшего чахоткой; отец не дожил до *навджота* – священного ритуала, которым Бахрама ввели в зороастрийскую веру.

К счастью для мальчика и двух его сестер, матушка с девичества владела прибыльным ремеслом – она была отменной рукодельницей, и шали с ее вышивкой вызывали всеобщий восторг и восхищение. Когда в городе прошла молва о злосчастной доле семьи, заказы хлынули потоком, и мать, на всем экономя и неустанно трудясь, сумела не только прокормить детей, но дать Бахраму какое-никакое образование. Позже слава ее, достигшая Бомбея, одарила чрезвычайно выгодным заказом на свадебную шаль для дочери тамошнего крупнейшего дельца-парса – сета Рустам-джи Пестон-джи Мистри.

Семьи их друг друга знали, ибо Мистри начинал свое дело в Навсари, открыв небольшой мебельный цех, которому Моды, тогда благоденствовавшие, оказали щедрую поддержку. Наряду с мебелью в цехе строили лодки, и постепенно это деловое направление, хилое поначалу, вытеснило все другие. Выиграв большой контракт с Ост-Индской компанией, семейство Мистри перебралось в Бомбей, где в портовом районе Мазагон основало верфь. Возглавив фирму, сет Рустам-джи энергично взялся за дело, и под его руководством судостроительный завод Мистри стал одним из самых успешных предприятий на индийском субконтиненте. Теперь дочь хозяина готовилась выйти за наследника богатейших коммерсантов Дадисетов с острова Колаба, ожидалась свадьба невиданного размаха.

Но тут, когда к торжеству все было готово и нетерпение достигло предела, вмешалась судьба: кто-то из аденских компаньонов Дадисетов презентовал завидному жениху великолепного арабского жеребца, и пятнадцатилетний парень загорелся немедленно опробовать подарок. Конь, ошалевший от долгого морского путешествия, был явно не в духе и, взяв с места в карьер, сбросил наездника, который расшибся насмерть.

Для Мистри гибель юноши стала двойным ударом: семейство не просто лишилось зятя, о каком можно только мечтать, но теперь приходилось смириться с мыслью, что сия трагедия затруднит, а то и сделает невозможным поиск хорошей партии для дочери, отмеченной знаком несчастья. Они разослали сватов, и вскоре худшие опасения подтвердились: девушке все сочувствовали, однако приемлемых брачных предложений не последовало. Уяснив, что среди равных себе жениха не найти, Мистри неохотно расширили круг поисков вплоть до родного города, и вот так вот проторили путь к двери матери Бахрама.

Моды переживали нелегкие времена, но бесспорно принадлежали к ветви благородных кровей, а симпатичный крепыш Бахрам, которому почти сравнялось шестнадцать, был нужного возраста и хоть как-то образован. Получив отчет о кандидате, сет наведалься в Навсари, и Бахрам произвел на него благоприятное впечатление своей энергией и устремленностью. Вот тогда-то глава семейства и решил, что парень, несмотря на некоторую неотесанность и следы нищенской жизни, годится в мужа его дочери. С учетом всех обстоятельств, в предложении, направленном матери Бахрама, были сделаны определенные оговорки: поскольку жених неимуш и без всяких видов на карьеру, молодые будут жить в бомбейском особняке Мистри, а потенциальный зять войдет в семейное дело.

¹⁵ Хавели – дом богатого торговца, служащий жильем и конторой.

Союз этот сулил невообразимые блага, однако мать не давила на Бахрама. Жизнь в тяготах наделила ее пониманием того, как устроен этот мир, и, ознакомившись с вышеозначенными условиями, она сказала:

– Жить примаком в женином доме очень непросто. Ты, наверное, слышал поговорку: *кутра пос, билара пос, пер джемейна джениян варма кхос* – приюти собаку, приюти кошку, а зятя с его приплодом вышвырни в нужник...

Бахрам только посмеялся над этой кондовой мудростью, не имевшей никакого отношения к таким обеспеченным и утонченным людям, как Мистри. Ему не терпелось распрощаться со своим простецким окружением, и он понимал, что другая такая возможность вряд ли когда представится; он все решил сразу, но, приличия ради, неделю выждал, прежде чем попросил мать от его имени ответить согласием.

После свадьбы, которую сыграли без особой шумихи, Бахрам и Ширинбай поселились в бомбейском особняке Мистри на Аполло-стрит.

Недавняя трагедия подкосила застенчивую немногословную Ширинбай, и новобрачная, вечно окутанная печалью, выглядела скорее вдовой, скорбящей по своему несостоявшемуся мужу. Женой она была покорной, если не сказать холодноватой, но большего Бахрам и не требовал; супруги неплохо ладили и вскоре одну за другой произвели на свет двух дочерей.

Пусть между ними не было страсти, зато не было и вражды, чего не скажешь об отношениях Бахрама с прочими членами обширного семейства, состоявшего из родителей Ширинбай и трех ее братьев с их женами и детьми. За исключением патриарха, всех остальных объединяла неприязнь к деревенскому нищоброду, затесавшемуся в их ряды, к этому хаму-выскочке, что прокрался в их дом, явно умышляя его оттяпать.

Бахрам и сам не отрицал того, что манеры его подчас неуклюжи, а провинциальный выговор и скверный английский режут изысканный слух обитателей особняка. Но все это были мелочи, а главное его негожество состояло в том, что он был начисто лишен качеств, необходимых мужскому сословию Мистри, являвшему собою плеяду строителей и мастеров, гордых своими умениями. Тесть Рустам-джи поставил себе целью доказать, что суда индийской постройки, в Европе прозванные «цыганскими корытами», могут быть не хуже, а то лучше любых других. Он не только сам привнес ряд значительных новшеств в технологию судостроения, но приучил своих подмастерьев идти в ногу с техническим прогрессом в этой быстро меняющейся отрасли. В Бомбей регулярно заходили изящные современные суда зарубежного производства, и путем дружбы с ремонтниками, их обслуживающими, Мистри всегда были в курсе новинок в корабельном оборудовании, которые тотчас брали на вооружение, порой даже улучшая. Передовой дизайн и весьма невысокая цена кораблей фирмы «Мистри и сыновья» привели к тому, что многие европейские флотилии, включая флот ее величества, и судовладельцы стали делать заказы на этой верфи, отдавая ей предпочтение перед заводами Саутгемптона, Балтимора и Любека.

В среде, где царила жесткая конкуренция, фирма отвоевала себе заметное место лишь потому, что целиком и полностью сосредоточилась на избранном поле деятельности. Чтобы вписаться в столь узкоспециализированную структуру, новичку требовались определенные навыки, которыми Бахрам не обладал: неловкие руки его роняли инструмент, ему претило однообразие, и вообще он был слишком индивидуалист для бригадной работы. На поприще плотницкого подмастерья он подвизался недолго и вскоре был отправлен в обшарпанную контору на задах верфи, где корпели счетоводы. Но и там он не пришелся ко двору, ибо ни сами цифры, ни те, кто их складывал, его ничуть не интересовали – в мирке учетчиков и менял с их ограниченным видением жизни не было места фантазии и деловому азарту. Бахрам считал, что одарен способностями совсем иного рода: он легко сходился с людьми, всегда был в курсе всего нового и, главное, умел соразмерить риск и выгоду от всякой затеи. Томясь в конторе, он

подсчитывал выручку и заполнял ведомости, но внимательно следил за возникавшими вакансиями, ни капли не сомневаясь, что в один чудесный день сумеет проявить себя во всей красе.

Вскоре Бахрам четко определился с тем, чего он хочет: быстро набиравшая обороты экспортная торговля между Западной Индией и Китаем не только сулила прибыль, но и открывала возможность путешествий, то есть бегства от скуки к захватывающим приключениям. Однако он понимал, что будет нелегко убедить Мистри выйти на эту арену: в вопросах бизнеса семья была глубоко консервативна и не одобряла всего, что попахивало спекуляцией.

Вполне естественно, что при первом разговоре на эту тему тесть гадливо сморщился:

– Что? Заморская торговля опиумом? Наша фирма не участвует в грязных играх.

Но к этому Бахрам был готов.

– Я знаю, уважаемый *сасраджи*, – сказал он, – что ваша семья спокон веку занимается инженерией. Но взгляните, как меняется окружающий мир. Нынче самый большой доход приносит торговля тем, в чем нет нужды. Вовсе ненужное дает прибыль. Скажите, разве новомодный китайский рафинад, прозванный «китаезой», слаще меда и пальмового сахара? Отнюдь, но за него платят втридорога. А как наживаются торговцы ромом и джином, которые ничуть не лучше нашей браги, вина и прочего шараба? Однако народ согласен за них платить. С опиумом та же история. По сути, это лекарство, но тот, кто раз его отведал, уже не остановится, и спрос на опиум все растет и растет. Вот почему англичане пытаются взять сию торговлю под свой контроль. К счастью, им не удалось установить монополию в Бомбейском президентстве, и что плохого, если на этом мы чуть-чуть заработаем? Все другие верфи уже обзавелись маленькими флотилиями для заморской торговли. Взгляните, какую отдачу они получают от экспорта хлопка и опиума: всякий груз, отправленный в Китай, окупается вдвое, а то и втрое. Если позволите, я бы охотно совершил пробную поездку в Кантон.

Но сет Рустам-джи был непреклонен.

– Нет, – сказал он. – Это слишком далеко от нашего дела. Я не даю позволения.

И Бахрам вернулся в контору, но так скверно исполнял свои обязанности, что тесть вновь призвал его к себе и без обиняков заявил: ты превращаешься в полную *никаммо*, никчемность. В цехах от тебя никакого толку, с домашними ты не ладишь – если так будет продолжаться, этакий зять станет обузой для семьи.

– Любой может ошибиться, *сасраджи*, а мне всего двадцать один год, – понурившись, сказал Бахрам. – Отпустите меня в Кантон, и я покажу, чего стою. Я всегда хотел быть полезным вам и вашей семье.

Сет Рустам-джи смотрел на него долго и пристально, потом чуть заметно кивнул:

– Ладно, езжай. Поглядим, что из этого выйдет.

И вот фирма «Мистри и сыновья» обеспечила первую поездку в Кантон, результаты которой удивили всех, не исключая Бахрама. Однако всего больше его поразил иностранный анклав Кантона, где обитали торговцы. В «Фанки-тауне» (Городе чужаков), как называли его старожилы, нужда уживалась с безумной роскошью, там ты находился под постоянным присмотром и в то же время был свободен от хмурого взгляда семьи; присутствие женщин здесь категорически возбранялось, но они входили в твою жизнь совершенно неожиданным образом, и вот так случайно возникла чудесная связь юного Бахрама с прачкой Чимей, подарившей ему сына, которого он любил еще сильнее из-за невозможности объявить в Бомбее о его существовании.

В Кантоне Бахрам, сбросив многослойную шелуху благопристойных обязанностей перед семьей и обществом, ощутил себя новой личностью, которая прежде дремала в его недрах: он стал Барри Модди (с двумя «д»), уверенным в себе, напористым, компанейским, радушным, разбитным и невероятно успешным. Но по возвращении в Бомбей его иное «я» спряталось под старой шелухой, и Барри опять превратился в Бахрама, тихого преданного мужа, безропотно обитающего в тенетах большой сплоченной семьи. Не сказать, что одна ипостась была подлиннее другой. Для Бахрама оба эти облика были важны и необходимы, он не хотел бы ничего

менять ни в одном из них. Даже бесчувственная покорность и плохо скрытое разочарование Ширинбай казались ему непререкаемыми атрибутами жизни, ибо невольно вносили необходимые коррективы в его кипучую натуру.

Успешность плана позволяла запросто отделиться от Мистри и основать собственную торговую фирму, но Бахрам над этим никогда всерьез не задумывался. Во-первых, он получал такое щедрое вознаграждение, что было просто грех жаловаться. Но даже больше заработка ему нравились привилегии, какими наделялся представитель высоко чтимой бомбейской компании: скажем, право заказать лучшие апартаменты Кантона или почти не лимитированные траты на личные нужды. И как престижно было иметь в своем распоряжении «Анахиту» – этакый флагманский корабль, который тесть собственноручно построил специально для Бахрама. Мало кто из купцов в Кантоне или еще где мог похвастать такой бесподобной роскошью.

Кроме того, отделение от семьи неизбежно повлекло бы за собой смену места жительства, а Бахрам знал, что жена никогда не согласится покинуть отчий дом. Стоило коснуться этой темы, и Ширинбай заливалась в три ручья. Как ты можешь такое предлагать? *Ай апру гхер натхи?* Разве это не наш дом тоже? Мать не переживет моего ухода. И что я буду делать во время твоих долгих отлучек в Китай, одна-одинешенька, без всякой мужской поддержки? Другое дело, если б *гхер ма дикра хоте* – если б в доме был сынок, но...

И вот Бахрам, оставшись в лоне Мистри, потихоньку развивал свое детище, превращая его в достойного отпрыска семейного предприятия. Как ни странно, удача Бахрама ничуть не смягчила шуринов – напротив, к их давним подозрениям добавились страх и обида, порожденные растущим доверием отца к зятю.

Такое отношение озадачило Бахрама, но не его мать, которая все разъяснила, порывшись в своей котомке с поговорками. Не понимаешь, чего они боятся? – спросила она. Знать, помнят присловье: *палело кутро пег кедде* – собака ластится, да кусается...

Как всегда, Бахрам посмеялся над этой доморощенной мудростью, но потом оказалось, что мать-то была права.

Бахрам много лет оттрубил на фирме и, помня заверения тестя, рассчитывал, что когда-нибудь отдел, им созданный и выпестованный, перейдет под его единоличное управление. Но с тестем вдруг случился удар, сделавший его недвижимым и бессловесным. Долгие месяцы он балансировал на грани жизни и смерти, а на заводе и в доме воцарился кавардак. Завещания, которое, по слухам, тесть составил, так и не нашли, и после его кончины сыновья и внуки тотчас сошлись в схватке за будущее фирмы. Бахрам и Ширинбай в ней не участвовали, поскольку наследственная доля Ширинбай была под опекой братьев, а Бахрам не обладал достаточным паем, чтобы считаться правопреемником.

Через некоторое время шурины призвали его на совещание, и вот тогда-то он уразумел, к чему идет дело. Усевшись полукругом, родичи объявили о своем решении насчет будущего компании: судостроительный бизнес уже давно пребывает в упадке, а посему они ликвидируют верфь, дабы обеспечить себя и своих детей стартовым капиталом для иного занятия. Торговый отдел и его флотилия, наиболее ценные активы фирмы, будут проданы в первую очередь. Жаль, конечно, но Бахраму придется уйти на покой. В признательность за его труды компания, разумеется, выплатит весьма щедрое выходное пособие. Как ни крути, ему уже за пятьдесят, обе дочери его выданы замуж и хорошо обеспечены. Не пора ли уйти на богатый заслуженный отдых, достойный венец блестящей карьеры?

Иными словами, Бахрама, столько сил отдавшего фирме, отлучали от дел и спроваживали на пенсию.

Он и представить не мог, что Мистри захотят продать чрезвычайно прибыльный торговый отдел. Мысль об отставке была невыносима. Значит, он больше никогда не выйдет в море, больше никогда не увидит Кантон? Это вдвое укоротит его жизнь, превратит в живой труп. С последней поездки в Китай минуло три года, за это время умерла Чимей и пропал без вести

его двадцатилетний сын. Уже из-за этого невозможно навеки распрощаться с Кантоном – как жить в муке неведения о том, что случилось с его мальчиком?

– Зачем торопиться? – сказал Бахрам. – Зачем продавать отдел именно сейчас, когда он приносит небывалый доход? Не лучше ли год-другой подождать?

Шурины объяснили свое решение тревожными слухами о ситуации в Китае: поговаривают, что вскоре император наложит полный запрет на ввоз опиума. Никто не знает, насколько это затянется, и потому многие бомбейские дельцы сворачивают торговлю с Китаем. Что касается их, братьев Мистри, то они всегда считали сию затею чересчур авантюрной и теперь пришли к мнению, что лучше избавиться от отдела сейчас, пока он не утонул на дно всю фирму.

Бахрам молчал, удивленно разглядывая шуринов. Он был гораздо лучше осведомлен о положении дел, внимательно следил за всеми слухами и сплетнями, и пришел к совершенно противоположному выводу: нынешняя ситуация давала уникальный шанс, какой выпадает раз в жизни. В 1820-м уже ходили подобные разговоры, и сет Рустам-джи пытался отговорить его от рейса в Китай. Бахрам не только настоял на своем, но даже загрузился опиумом сверх обычного; расчет его оправдался в точности, и он получил громадную прибыль. Эта удача ввела его в избранный круг заморских купцов, которых в Кантоне прозвали тайпанами.

Сейчас были все основания полагать, что история повторится. По имевшимся сведениям, верховные мандарины подали императору записку, в которой рекомендовали узаконить торговлю опиумом. Похоже, это вот-вот произойдет, и тогда ввозные пошлины дадут огромный доход в казну, в накладе не останутся и сами мандарины, а спрос на опиум резко возрастет.

Бахрам мог бы об этом рассказать, а также известить шуринов о своем намерении нынче взять небывалый груз опиума, который изрядно обогатит фирму. Однако ничего этого он не сделал, ибо принял давным-давно назревшее решение: хватит тратить свои мозги, нервы и опыт на родичей, пора подумать о себе. Если собрать все имеющиеся средства – обналичить сбережения, заложить имущество, продать женины драгоценности и взять в долг у друзей, можно затем удвоить или даже утроить свой капитал, что позволит создать собственную фирму. Надо рискнуть.

Бахрам одарил шуринов вежливой улыбкой и сказал:

– Торговый отдел не продается.

– Как это?

– Он не продается, потому что я сам его выкуплю.

– Ты? – хором воскликнули шурины. – Прикинь, во что это обойдется: суда... «Анахита»... жалованье командам... страховка... конторщики... пакгаузы... оборотный капитал... накладные расходы...

Братья смолкли и только изумленно пучились на Бахрама, потом один, отперхавшись, спросил:

– А у тебя такие деньги-то есть?

Бахрам покачал головой:

– Сейчас нет. Но как только условимся о цене, я дам слово за год с вами расплатиться. А до той поры прошу ничего не предпринимать, я буду управлять отделом, как считаю нужным.

Шурины растерянно переглянулись, и Бахрам мягко добавил, вбивая последний гвоздь:

– Поймите, выбора у вас нет. В Бомбее все знают, что этот отдел я создал с нуля. Никто его не купит, не переговорив со мной. Вам не выручить и сотой доли его настоящей цены.

И тут за потолком что-то грохнуло. Видимо, просто какая-то тяжелая штука свалилась на пол, но Бахрам, зная, насколько суеверны его собеседники, этим воспользовался. Он приложил руку к сердцу и набожно произнес:

– *Хак наам те Саахебну!* Истина – имя твое, Всемогущий!

Как и ожидалось, это положило конец прениям: шурины приняли его условия, и Бахрам тотчас взялся за дело.

За долгие годы он вскормил целую сеть мелких торговцев, караванщиков и ростовщиков, занимавшихся доставкой опиума с рынков западной и центральной Индии в Бомбей. И теперь его посыльные разлетелись в Гвалиор, Индор, Бхопал, Девас, Бароду, Джайпур, Джодхпур и Коту, неся весть, что нынче в Бомбее только один купец дает справедливую цену за опиум. На закупку товара Бахрам истратил все свои сбережения и кредиты, какие только смог получить. Но этого было мало, и тогда он, невзирая на зубовой скрежет супруги, продал земли, находившиеся в их совместном владении, семейное золото, серебро и украшения.

И все равно этих денег не хватило бы на воплощение задуманного, но помог непредвиденный оборот событий. К концу сезона дождей, когда основная масса торговых кораблей отбывала в Кантон, разнесся слух, что в Китае скверная ситуация только усугубилась. Закупочные цены рухнули, и тогда-то на сцену вышел Бахрам.

Вот так ему удалось снарядить корабль, угодивший в сентябрьский шторм 1838-го года. За этот груз Бахрам рассчитывал получить больше миллиона китайских таэлей серебром, что примерно равнялось сорока английским тоннам драгоценного металла.

Велик ли урон? – вот что его мучило, пока в хозяйской каюте он отходил от воздействия опиума. Вико слышал один и тот же вопрос:

– Сколько? *Китна?* Сколько пропало?

– Подсчитываю, патрон. Пока не знаю.

Отчет управляющего вызвал двойное чувство: да, потери велики, но могло быть хуже – утрачено триста ящиков, десятая часть груза.

Лишиться пяти *тонов* серебра – это, конечно, тяжелый удар, однако страховка покроет ущерб, а сохранившийся груз позволит расплатиться с займодавцами и получить хорошую прибыль.

Теперь все зависело только от Бахрама: карты сданы, ему заходить.

Хорек, не выносивший женских слез, растерялся. Он крепко дернул себя за бороду, раз другой прокашлялся, а потом вдруг сказал:

– Вы, наверное, удивитесь, мисс Полетт, но я был знаком с вашим батюшкой. Скажу вам, вы на него очень похожи.

Полетт отерла глаза.

– Но это *incroyable*... невероятно, сэра. Где вы могли с ним встречаться?

– Здесь, в этом самом саду.

Тридцать с лишним лет назад Хорек возвращался из своего первого вояжа в Китай. Дорога была тяжелой, в шторм пострадали растения, которые он вез в специальном ящике; соленые брызги и ветер сделали свое черное дело – погибла половина коллекции. Жутко расстроенный, Хорек наведлся в Памплемус. На входе в сад он встретил Пьера Ламбера, молодого ботаника, недавно приехавшего из Франции. Оказалось, ученый придумал новый футляр для транспортировки растений, в котором глухие деревянные стенки заменил на прозрачные из толстого стекла. Он преподнес Хорьку два таких контейнера, не взяв за них денег.

– Мне с тех пор хотелось как-нибудь отблагодарить вашего батюшку, но мы больше не виделись. Печально узнать о его кончине.

И тогда Полетт, отринув сдержанность, взяла в охапку свою историю: рассказала о смерти отца, оставившей ее в бедственном положении, и своем решении добраться на Маврикий, где некогда подвизались ее родные; о том, как тайком пробралась на «Ибис», перевозивший кули, о путешествии, полном всяческих невзгод, и добросердечных матросах, помогших ей сойти на берег; о втором помощнике Захарии Рейде, одолжившем ей эту одежду, а сейчас под арестом ожидающем отправки в Калькутту, чтобы предстать перед судом за бунт на корабле; о том, что ей, без гроша в кармане, идти было некуда, и тогда она направилась

в Ботанический сад и, найдя его в страшном запустении, укрылась в заброшенном доме, где теперь и живет на подножном корму.

– И что вы собираетесь делать? Уже решили?

– Пока что нет. Но коль я неплохо справилась поначалу, то, наверное, продержусь и дальше.

Хорек снова откашлялся.

– А что, если я предложу кое-что получше, мисс Полетт? Работу. Как вам такое?

– Работу, сэр? – насторожилась Полетт. – Какого рода, позвольте узнать?

– Должность садовника, правда, корабельного. У вас будет своя каюта со всем необходимым молодой даме. Жалованье боцмана, стол бесплатный. – Хорек помолчал. – Я в долгу перед вашим отцом.

Полетт улыбнулась и покачала головой.

– Вы очень добры, сэр, но я не потерявшийся котенок. Отцу бы не понравилось, если бы я воспользовалась вашим великодушием. Да я и сама, признаюсь, устала жить милостынею.

– Милостынею?

Хорек вдруг изнемог, словно его подкараулила неведомая хворь: сдавило грудь, затряслись руки, нестерпимо зачесались глаза. Он рухнул в кресло и, схватившись за горло, с удивлением почувствовал, как с бороды его что-то капает. Хорек оглядел свои мокрые пальцы, точно они, претерпев необъяснимую метаморфозу, обратились в колючие побеги.

Он был не из тех, у кого слезы близко, и не плакал даже мальчишкой, насухо снося удары, тычки и пинки. Но сейчас казалось, будто все накопившиеся за жизнь горести оставили влажные дорожки на его щеках.

Полетт присела на корточки, беспокойно вглядываясь в его лицо.

– Что с вами, сэр? Если я вас обидела, то, поверьте, неумышленно.

– Вы не поняли, – давась рыданиями, проговорил Хорек. – Вовсе не из милости я предлагаю вам работу, мисс Полетт. Знаете, и у меня была дочь. Ее звали Эллен, она сопровождала меня в поездке. С детства мечтала отправиться в Китай и вместе со мной собирать растения. Месяц назад ее скосила болезнь, перед которой мы оказались бессильны. Теперь ее нет, я один и не знаю, зачем мне жить дальше. – Он убрал руки с лица. – По правде, это вы, мисс Полетт, проявите милосердие ко мне, старику.

3

Долгое время Бахрам считал недавно оперившийся Сингапур этакой блажью в джунглях.

Прежде, минуя пролив, он всегда останавливался в своей любимой Малакке, очень нравившейся ему местоположением, строгими голландскими постройками, китайскими храмами, беленой португальской церковью, арабским базаром и лодками, в которых издавна обитали семьи гуджаратцев. Чревоугодник, он пристрастился к обильным застольям в местных домах купцов-перанакан.

В те дни Сингапур был всего лишь одним из множества островов, засорявших горло пролива. Возле речного устья в южной его оконечности располагался небольшой малайский поселок, в который корабли, встав на якорь, направляли баркасы за пополнением запасов пресной воды и провианта. Однако из-за тигров, крокодилов и ядовитых змей в здешних джунглях остров пользовался дурной славой, и оттого сверх необходимого там никто не задерживался.

Когда англичане выбрали это бесперспективное место для строительства города, Бахрам, как и многие другие, полагал, что вскоре джунгли поглотят новое поселение. Зачем кому-то здесь останавливаться, если до Малакки всего день ходу? Однако через какое-то время Бахраму, вопреки его любви к Малакке, пришлось все чаще уступать корабельным офицерам, утверждавшим, что в Сингапуре портовые условия предпочтительнее, и особенно превозносившим удобное расположение ремонтных доков мистера Тивендейла, лучших, по их словам, в здешних местах.

Вот туда-то и направилась потрепанная штормом «Анахита»; она лишилась утлегаря и ростры, но сохранила мачты, и потому могла добраться до Сингапура меньше чем за неделю. Всю дорогу Бахрам, до сих пор страдавший от угощения сырцом, не вставал с постели. Первые дни его жутко тошнило – приступы рвоты были несравнимо сильнее тех, что он изведal при морской болезни. Раз-другой в час его буквально выворачивало наизнанку, словно организм надумал расстаться со всей требухой, вытолкнув ее через рот. Бахрам так обессилел, что без посторонней помощи не мог повернуться на бок.

Когда шхуна пришла в Сингапур, он еще был очень слаб, и потому все время ремонта и переоснастки оставался в постели. Хотя это не стало таким уж большим испытанием, поскольку удобство каюты значительно превосходило все, что мог предложить единственный приличный в городе отель мистера Датронквоя. Пожалуй, роскошь хозяйских апартаментов, включавших в себя спальню, гостиную, кабинет, ванную и ватерклозет, не снилась и королевской яхте. В спальне, как и в других помещениях, переборки были укрыты панелями с рельефами, навеянными художественными мотивами древней Персии и Ассирии: желобчатые колонны Персеполя и Пасаргад, профили бородатых копыеносцев, крылатые *фраваш*¹⁶ и скачущие кони.

¹⁶ Фраваш – в зороастризме благой дух всего, что было и будет, присущий каждой частице мироздания.

Один угол занимал огромный стол красного дерева, другой – небольшой алтарь с изображением Пророка Заратустры в золоченой раме.

Лежа в поистине царской кровати под балдахином, в иллюминаторы Бахрам видел гавань и впервые смог оценить, как быстро меняется остров.

В устье реки Сингапур ремонтные доки Тивендейла расположились посередине меж береговым причалом и внешним рейдом бухты. «Анахита» стояла на якоре, но, подчиняясь течениям, то и дело кормой описывала дугу. При развороте шхуны к бухте в иллюминаторах появлялась уйма маркитанских лодок и барж, облепивших корабли на рейде. Возвращаясь на берег, они проходили близко от «Анахиты», и Бахрам слышал голоса лодочников, болтавших или певших на тамильском, телугу и ория. Затем корму сносило в обратную сторону, и в иллюминаторах возникала панорама недавно отстроенных складов, а порой даже набережная Боут-Ки, где плоскодонные динги освобождались от груза и пассажиров.

Наблюдая за неустанно снующими лодками и суетой на берегу, Бахрам уразумел, почему с недавних пор кое-кто из его коллег покупает или арендует склады и контору в Сингапуре: похоже, центр деловой активности смещался из Малакки именно сюда. Открытие породило смешанные чувства: сдается, это обустроенное англичанами поселение не обладает благодушием старой доброй Малакки, где малайцы, китайцы, гуджаратцы и арабы жили рука об руку с выходцами из старинных португальских и голландских родов. Сингапур был так спланирован, чтоб отделить «белый город» от прочих районов, предписав китайцам, малайцам и индусам жить строго в своих округах, уже прозванных «гетто».

Во что превратится этот странный новый город? Что определено: здесь процветала коммерция – возвращаясь с берега, Вико докладывал о множестве базаров и развалов, особенно ему глянулась еженедельная «толкучка», где жители ближних и дальних окрестностей торговали и менялись старьем.

Из отчетов управляющего и собственных наблюдений за рекой Бахрам сделал вывод, что Сингапур активно претендует на роль форпоста в Индийском океане, и потому не особо удивился, узнав, что его старинный друг Задиг Карабедьян сейчас в городе – Вико с ним столкнулся на Торговой улице.

– Что же ты не привел Задиг-бея? – воскликнул Бахрам.

– Он куда-то спешил, патрон. Сказал, зайдет, как освободится.

– Что он тут делает?

– Направляется в Кантон.

– Вот как? – Бахрам резко сел в кровати. – Он уже оплатил проезд?

– Не ведаю, патрон.

– Вико, сейчас же его отыщи. Скажи, он поедет с нами. Отказа я не приму. Жду его на борту «Анахиты». Ступай, живо!

Задиг Карабедьян был одним из немногих настоящих друзей Бахрама. Познакомились они двадцать три года назад в Кантоне. Часовщик Задиг нередко навещался в разные порты Индийского океана и Южно-Китайского моря, где торговал ходиками, карманными часами, музыкальными шкатулками и другими механическими штуковинами, прозванными «диньдон» и пользовавшимися большим спросом в Кантоне.

Родом он был из армянской семьи, столетия назад осевшей в Египте и обитавшей в старом каирском квартале, где селились иудеи и христиане. По семейной легенде, одного его предка еще мальчиком продали египетскому султану, и он, дослужившись до высокого мамлюкского чина, перевез кое-кого из родичей в Каир, где те добились процветания на поприщах мастеровых, мытарей и дельцов, наладив крепкие связи с Аденем, Басрой, Коломбо, Бомбеем и другими портами Дальнего Востока, включая Кантон.

Самый заядлый путешественник в семье, Задиг владел многими языками, включая хиндустани. Он обладал еще одним большим талантом, который Бахрам в шутку называл *кха-*

бар-дари – умение держать нос по ветру. Отчасти благодаря этой его способности и пересеклись их пути в Кантоне.

В конце ноября 1815 года первая ласточка новостей о поражении французов под Ватерлоо достигла южного Китая, и основная часть европейской общины испустила вздох облегчения. Многие купцы, из-за войны откладывавшие возвращение в Европу, теперь засобирались в путь, что породило всякого рода сумятицу, в частности нехватку векселей. На бумаги, принимавшиеся к оплате в Индии, возник ажиотажный спрос, и Бахрам вдруг понял, что за сезонной выручкой ему придется ехать в Англию.

Он ничуть не расстроился, поскольку еще не бывал в Европе, а поездка сулила массу ярких впечатлений, но вышла заминка: оказалось, что все билеты на корабль уже раскуплены. Вот тогда-то приятель-парс и свел его с Задигом Карабедьяном.

Поднаторевший в европейской политике, Задиг сумел извлечь пользу из того, что преугадал исход Стодневной войны. Так вышло, что он тоже отбывал в Англию и, предвидя большой спрос на билеты, выкупил всю каюту, дабы перепродать второе место какому-нибудь приятному попутчику, готовому на солидный бакшиш. После упорного, но дружелюбного торга они с Бахрамом достигли обоюдного согласия и 7 декабря 1815 года в порту Макао взошли на борт «Каффнеллса» из флотилии «Благородной компании».

Рослый Задиг обладал длинной тонкой шеей, паутиной «гусиных лапок» возле глаз и ярко-румяными, будто вечно обветренными щеками. В дороге спутники много времени проводили вместе: покинув свою каюту в недрах корабля, где ощущалась вонь трюмной воды, они прогуливались по палубе и беседовали, опершись на леер и подставив лица морскому ветерку. Обоим было за тридцать, однако их изрядно удивило, что у них так много общего для людей, взрослых вдали друг от друга. Задиг тоже изведал прелести морганатического брака – его женили на овдовевшей дочери богатых свойственников, и он знал, каково это – быть бедным родственником в жениной семье.

Однажды, перегнувшись через борт и разглядывая пенные буруны под носом корабля, Задиг спросил:

– Скажи, когда ты вне дома, живешь в Китае, как ты управляешься... с телесными потребностями?

Бахрам всегда стеснялся подобных тем и, запнувшись, сказал:

– *Kua*? А что?

– В этом, знаешь ли, нет ничего постыдного. Свои запросы не только у плоти, но и у души, и человек, в собственном доме чувствующий себя одиноким, вправе искать утешения на стороне.

– Ты считаешь, это хорошо?

– Хорошо или плохо, но я не скрою, что, подобно другим, часто бывающим в разъездах, завел себе вторую семью в Коломбо. Моя тамошняя жена с Цейлона, и пусть наше сожительство незаконно, наша с ней семья дорога мне не менее той, что носит мое имя.

Бахрам бросил быстрый взгляд на спутника и отвернулся.

– Это очень тяжело, правда? – сказал он.

Задиг что-то уловил в его тоне и, помолчав, спросил:

– Значит, у тебя тоже кто-то есть?

Бахрам несмело кивнул.

– Она китаянка?

– Да.

– Из тех, кого называют шалабольницами?

– Нет! – вскинулся Бахрам. – Вообще нет. Она вдова, была прачкой, когда мы познакомились... С матерью и дочкой жила в лодке, на жизнь зарабатывала тем, что обстирывала чужеземцев...

Раньше Бахрам ни с кем об этом не говорил, и ему вдруг до того полегчало, что он, не удержавшись, пустился в рассказ.

С Чимей он встретился, когда впервые приехал в Кантон; его, самого молодого в общине парсов, часто нагружали всякими поручениями и даже порой приказывали забрать из стирки вещи старшин. Вот так он ее и увидел – на корме плоскодонки она терла о доску чью-то одежду. Он отметил завитки волос, выбившиеся из-под плотно повязанного платка и прилипшие ко лбу, яркие темные глаза и свежее румяное лицо, напомнившее о спелом яблоке. На секунду взгляды их встретились, и девушка тотчас отвернулась. Возвращаясь в факторию, он оглянулся и увидел, что она смотрит ему вслед.

Лицо ее неотлучно стояло перед глазами. Он и раньше, бывало, предавался фантазиям о девушках, которых видел на берегу, однако сейчас его охватило жгучее томление. Вновь и вновь он вспоминал взгляд прачки, и его тянуло к ней неудержимо. Под надуманными предложениями он стал наведываться на берег и раз-другой подметил, как девушка, увидев его, вспыхивает и прячет глаза. Стало быть, она тоже его приметил.

Он уже выяснил, что вместе с девушкой в сампане обитают лишь старуха и маленькая девочка, но нет никаких мужчин. Открытие это ободрило, и однажды он, улучив момент, спросил:

– Как твоя ешь звать?

Прачка зарделась.

– Ли Чи мой. Как твой звать-прозвать?

Уже потом он понял, что она представилась «сударыней Ли», а в тот момент лишь обрадовался, что собеседница сносно изъясняется на языке обитателей Фанки-тауна.

– Я Барри. Барри Модди.

– Барри. – Она как будто опробовала слово на вкус. – Мистер Барри?

– Да.

– Мистер Барри быть *пак-тав-гвай*?

Он улыбнулся – «белоголовыми призраками» называли парсов, носивших белые чалмы.

– Да.

Девушка застенчиво кивнула и скрылась в лодочной камерке.

Он уже знал, что босоногие ушлые лодочницы совсем иные, нежели их сухопутные сестры: лихо торгуют, управляют с лодкой не хуже, если не лучше мужчин и бессовестно жадны до денег. Новичков предупреждали, что с ними нужно держать ухо востро.

Но, в отличие от других прачек, Чимей никогда не требовала чаевых, хотя горячо торговалась из-за платы. Однажды он попытался дать ей лишку. Чимей дотошно пересчитала медяки и бросилась за ним вдогонку:

– Мистер Барри! Шибко много давать. Держи сдача.

Отказ взять деньги ее рассердил. Она показала на аляповатые лодки цветочниц на причале:

– Вона продажный девка. Мистер Барри купить себе.

– Мистер Барри не хотеть продажный девка.

Чимей пожалала плечами, всунула ему деньги и ушла.

В следующую встречу он себя чувствовал неловко, что ее развеселило. Отдав ему выстиранное белье, Чимей шепнула:

– Мистер Барри купить не купить себе девка?

– Не купить, – сказал он и, собравшись с духом, добавил: – Мистер Барри не хотеть девка.

Хотеть Ли Чи мой.

– Эва! – засмеялась она. – Мистер Барри охальничать! Ли Чи мой не торговать себя.

Удивительно, но исковерканные фразы придавали необъяснимую чувственность их общению. Иногда он ловил себя на том, что мысленно беседует с Чимей, пытаясь рассказать ей о себе: «Мистер Барри имеет жена и два маленькая дочка...»

Однажды он попытался выяснить ее семейное положение и, притворившись, что узел с выстиранным бельем слишком тяжел, сказал:

– Ли Чи мой муж есть? Пусть он нести.

Лицо ее опечалилось.

– Нет муж. Умереть. В море. Один год пройти.

– Ох. Мистер Барри горевать душа.

Вскоре и он понес утрату – в письме мать известила о смерти его младшей сестры. Она долго болела, но ему о том не сообщали – зачем понапрасну тревожить, коль он в такой дали? Но вот непоправимое случилось, чего уж теперь утаивать беду.

Он души не чаял в сестре и был так убит горем, что даже ничего не сказал соотечественникам, а просто закрылся в своей комнатухе, наплевав на все свои обязанности. Старшина устроил ему выволочку за ненадлежащее внимание к отданным в стирку вещам и в конце тирады всучил свою порванную чалму:

– Вот к чему привел твой недогляд!

У него не было сил оправдываться, он взял чалму и поплелся на берег. Уже стемнело, но он без труда отыскал лодку Чимей. Почему-то прачка была одна.

– Мистер Барри привет-привет. Чего надо хотеть?

– Ли Чи мой шибко плохо делать.

– Ай вай! Что делать плохо?

– Вещь порвать.

– Какой такой вещь порвать? Мистер Барри мочь показать?

– Мочь, мочь.

В лодочной каморке, где горела единственная лампа, было так мало пожитков, что жилище вовсе не казалось тесным. Присев на корточки, он искал дырку в чалме, но вскоре весь опутался длинной тканью и, не сдержавшись, выматерился:

– *Бахход! Мадарход!*

– Годить, мистер Барри, годить. – Чимей взяла его за руку и краем ткани отерла ему лицо. – Мистер Барри горевать? Печаль душа?

У него перехватило горло, но он сумел выговорить:

– Да. Сильно печаль. Сестра умереть.

Чимей сидела рядом, и он ткнулся лицом в ее плечо. Как ни странно, она его не оттолкнула, но стала поглаживать по спине.

Еще никогда чужое прикосновение так не утешало; он преисполнился чистой благодарностью без всяких мыслей о плотских утехах.

Чимей, похоже, приняла какое-то решение: она прошептала, что скоро придет весточку, а сейчас ему пора уходить, потому как вот-вот вернутся ее мать и дочка.

– Прислать мальчишка, мой родич. Имя звать Давай.

Прошло два дня. Кто-то дернул его за подол чоги, и он, обернувшись, увидел мальчонку, под носом которого жемчужиной зависла мутная капля. Одетый в грязную рубаху и рваные штаны, паренек ничем не отличался от беспризорников, что слонялись по Городу чужаков, выпрашивая деньги и предлагая исполнить поручение.

– Имя звать Давай?

Мальчишка кивнул и зашагал к берегу. Шел он странно: ноги его так заплетались, словно он вот-вот грохнется ничком. В сгустившихся сумерках столь приметная походка позволяла не терять его из виду. У воды паренек знаком велел забраться в лодку с погашенной лампой. В темной каморке сидела Чимей. Она приложила палец к губам, и оба не проронили ни звука;

Давай отвязал лодку и погреб вверх по течению в сторону озера Белый Лебедь. Лишь тогда Чимей расстелила циновку.

– Приди, мистер Барри.

Весь его плотский опыт исчерпывался супружеской постелью, и оттого в делах любовных он был настолько же робок и зажат, насколько уверен в себе и раскрепощен в торговых сделках. Обычно процесс раздевания происходил в суровой тишине, а тут вот Чимей беспрестанно хихикала, помогая ему размотать чалму, скинуть чогу и распусть вязки штанов. Но когда она схватилась за его кошти, он прошептал:

– Талисман. Ни-ни снимать.

– Ха! Тоже талисман иметь?

– Иметь, иметь.

– Белоголовый Бес одежда шибко большой.

– Зато и кое-что другое шибко большой.

Теснота, качка, жесткое лодочное днище, пропахшее сушеной рыбой, вдруг породили в нем безумное желание. Соитие с Ширинбай всегда напоминало медицинскую процедуру, в которой тела соприкасались лишь строго необходимыми частями. Он был абсолютно не готов к жаркому липкому поту, выскальзыванию, хватанию за что угодно и неожиданному фырканью детородного органа партнерши, отрыгнувшего воздух.

Потом, изнемогшие, они умиротворенно лежали в объятьях друг друга, и вдруг снаружи раздался треск фейерверка. В деревне на берегу озера что-то праздновали, запуская шутихи в небо. Разноцветные всполохи отражались в темной глади воды, и казалось, будто лодка зависла в сияющем световом шаре.

На обратном пути он ничуть не удивился, услышав ее просьбу:

– Теперь мистер Барри давать бакшиш. Дело справить. Цыпа кушать, деньга платить.

Мистер Барри хороший бакшиш давать.

Добрых полчаса они препирались, сколько с него причитается, и этот торг был слаще любого флирта. В привычной стихии сделки он мог гораздо точнее выразить свои чувства цифрами, нежели ласковыми словами. В результате он охотно отдал ей все, что у него было с собою.

Он уже вышел из лодки, когда Чимей сказала:

– Мистер Барри платить Давай тоже.

Он рассмеялся и показал пустые карманы:

– Больше нету. Давай получить бакшиш потом.

Мальчишка проводил его до квартиры и расплылся в широченной улыбке, получив свой гонорар – в порыве щедрости его вознаградили половинкой опийного кругляша, наказав тотчас ее продать, а на вырученные деньги приобрести башмаки, одежду и рис. Осчастливленный парень умчался, улыбаясь во весь рот.

С тех пор встречи с Чимей проходили регулярно, раз-два в неделю, и связным неизменно служил Давай, который, вынырнув из толпы мальчишек, носившихся по городу, посылал ему знак вскинутой бровью или подмигиванием. Вечером он шел на берег, где в лодке его ждала Чимей.

С ней он не скупился и даже был расточителен. Перед отъездом в Бомбей спросил, не нужно ли ей чего, и, узнав, что она хотела бы лодку побольше, тотчас оплатил ее покупку. В следующий раз он приехал с грудой подарков и потом в конце каждого сезона удостоверился, что до его очередного визита Чимей, ее мать и дочка обеспечены всем необходимым. Он не допускал, что в его отсутствие Чимей принимает других мужчин, поскольку доверял ей безгранично, а она не давала ни малейшего повода сомневаться в своей верности.

В марте 1815 года, за несколько дней до его отъезда, Чимей взяла его руку и приложила к своему животу:

- Чують, мистер Барри.
- Дитя?
- Дитя.

Радость, его охватившая, была ничуть не меньше, чем от известий о беременностях Ширинбай, и боялся он одного: лишь бы Чимей не вздумала избавиться от плода. Он устроил ее переезд из Кантона в окрестную деревню, чтоб байка о приемном ребенке выглядела достоверной.

Предстоящее отцовство так его взбудоражило, что в Бомбее он пробыл всего четыре месяца и по окончании сезона дождей вернулся в Китай. В Макао он не стал дожидаться парома, а нанял «левака», который укромными протоками доставил его в дельту Жемчужной реки.

Младенец был запеленут особым способом, позволявшим его причиндалам гордо выглядывать наружу. Он взял сына на руки, но прижал младенца к себе чересчур крепко, и крохотный херок исторг теплую струю, оросившую ему лицо и бороду.

Он рассмеялся.

– Какой имя давать?

– Линь Фатт.

– Нет. – Он покачал головой. – Имя звать Фрам-джи.

Они какое-то время спорили, но так и не сумели прийти к согласию.

Воспоминания о событиях, произошедших всего три месяца назад, были очень свежи, и Бахрам, поведав свою историю другу, опять залился счастливым смехом. Задиг ответил ему улыбкой:

– Ну и как назвали малыша?

– Она зовет его А-Фатт, а я – Фредди.

– Он твой единственный сын?

– Да.

Задиг потрепал его по плечу:

– Молодчина!

– Спасибо. А у тебя сколько детей от другой жены?

– Двое. Мальчик и девочка: Саргис и Алина. – Задиг смолк и, опершись на поручень, задумчиво опустил подбородок на сведенные кулаки. – Скажи, ты никогда не хотел оставить официальную семью, чтобы жить с Чимей и своим сыном?

Бахрам опешил.

– Нет, и в мыслях не было. Зачем? А ты о таком думаешь, что ли?

– Да, и, по правде сказать, частенько. Моя каирская семья в полном порядке, а у второй нет никого, кроме меня. С каждым годом все тяжелее быть вдали от тех, кому я действительно нужен. Прям сердце разрывается.

В голосе его звучала неподдельная печаль, и Бахраму показалось невероятным, что такой ответственный делец может всерьез помышлять о разрыве с семьей и общиной. Для него самого подобный шаг означал бы публичный позор и финансовый крах. Странно, что человек в здравом уме, муж и отец, позволяет возникнуть столь незрелой мысли.

– Вспомни поговорку, Задиг-бей: разумный человек держит своего дружка в узде, – пошутил Бахрам.

– Дело не в том.

– А в чем? Неужто здесь так называемая *шик*, любовь?

– Называй это как угодно – *шик*, *хубб*, *пьяр*, но оно в моем сердце. Разве у тебя не так?

Бахрам на миг задумался и помотал головой:

– Нет, для нас с Чимей это не любовь. Мы это называем «делом», и, по мне, так оно лучше. Правда, я не умею выразить свои чувства. Она тоже не умеет. И как нам знать, что между нами, если для этого нет слова?

Задиг послал ему долгий оценивающий взгляд.

– Мне тебя жаль, дружище, – сказал он. – Ведь это самое главное.

– Да ну? – Бахрам расхохотался. – Ты сошел с ума или, может, шутишь?

– Да нет, брат, не шучу.

– Что ж, коли так, тебе придется бросить первую жену, – сказал Бахрам беззаботно.

Задиг вздохнул.

– Да, когда-нибудь я это сделаю.

Бахрам ни на секунду ему не поверил, однако через некоторое время именно так и произошло. Задиг оставил изрядно денег каирской семье, а сам купил просторный дом в Коломбо, в районе Форт. Вскоре Бахрам навестил друга, познакомившись с его степенной хозяйкой голландских корней и двумя хорошо воспитанными детьми, на вид здоровыми и счастливыми.

Потом он пригласил Задига в Кантон, где представил ему Чимей и Фредди. Чимей потчевала гостя вкусным обедом, а малыш его просто очаровал, и с тех пор Задиг взял себе за правило навещать их в каждый свой приезд в Китай, а по возвращении домой сообщать новости Бахраму.

Из одного такого письма тот и узнал об исчезновении Фредди и смерти Чимей.

В результате все решил «Редрут» – бриг очаровал Полетт, положив конец ее сомнениям относительно полученного предложения.

Если бы кораблям придавали сходство с их владельцами, то всякий сказал бы, что поджарый угловатый «Редрут» – копия костлявого Хорька. Казалось, корабль, поводя носом-буш-притом, принохивается, точно его хозяин, а ветер в его снастях свистит совсем иначе, нежели в мачтах других судов. Умей корабли говорить, в речевой манере «Редрута» слышались бы, наверное, растянутые гласные и пришепетывание Хорька.

Однако главным отличием брига от прочих парусников была палуба, сплошь укрытая зеленью. Конечно, на всяком корабле имелось полдюжины горшков с растениями, кои служили приправой к блюдам или просто дарили отдохновение глазу от бескрайних морских просторов. Но вот палуба «Редрута» была вся уставлена «ящиками Уорда» – новомодным изобретением со съемными стеклянными стенками, такими миниатюрными теплицами, совершившими революцию в транспортировке растений на дальние расстояния. Надежно закрепленные канатами и веревками, они заполняли палубу брига.

Самой зеленой частью корабля был кварталдек, где вдоль поручней и вокруг бизань-мачты выстроились ряды ящиков и горшков. Для дополнительной защиты своих подопечных Хорек соорудил тенты, дававшие тень в жару и оберегавшие от ветра в непогоду. В дождь они превращались в сборщики пресной воды, которой растениям требовалось много, и Хорек не желал, чтобы хоть капля ее пропала втуне.

На «Редруте» существовала собственная уникальная система использования пищевых отходов, которые не выбрасывали за борт бездумно: все, что могло пойти на подкормку растений, тщательно отделялось от остатков солонины, составлявшей основное меню команды. Спитая чайная заварка, кофейная гуща, рис, объедки бисквитов и галет загружались в огромный бочонок, подвешенный к корме. Он был плотно задраен крышкой, однако в безветренные дни амбре из сего компостного устройства вызывало нарекания со стороны рядом пришвартованных судов.

Конечно, буйная зелень и сверканье застекленных ящиков придавали «Редруту» необычный вид, вызывавший насмешки соседей по стоянке и порождавший вопросы, не та ли это знаменитая «психушка», что перевозит сумасшедших на отдаленные острова. Однако бриг,

как и его хозяин, только выглядел чудно, и Полетт вмиг поняла, что в нем нет ничего странного, но, напротив, все подчинено двум целям: расчетливости и доходу. Скажем, груз его не требовал значительных финансовых вложений, но давал поистине астрономическую прибыль. Кроме того, он не привлекал воров и пиратов, не ведавших его истинную ценность.

На палубе «Редрута» не было ничего случайного: Хорек лично отбирал все растения, большинство которых лишь недавно проникли с американского континента в Европу, но вряд ли успели добраться до Китая. В нынешней его коллекции были львиный зев, лобелия и георгины, найденные Александром фон Гумбольдом в Мексике; из тех же краев происходили «мексиканский апельсин» и новая прекрасная фуксия; Северную Америку представляли гаультерия шаллон, декоративное растение с лечебными свойствами, и новый вид замечательного можжевельника, открытые Дэвидом Дугласом. Хорек не сомневался, что последняя особь произведет неизгладимое впечатление на китайцев, обожающих все хвойные сорта. Не были забыты и кустарники, особые надежды Хорек возлагал на цветущую смородину. Одно это растение, поведал он Полетт, окупило все затраты мистера Дугласа на первую американскую экспедицию, но еще никто не додумался привезти его в Китай.

Хорек намеревался обменять всю эту американскую флору на представителей китайского растительного мира, не известных на Западе. Полетт сочла идею остроумной и оригинальной, но Хорек решительно отрекся от ее авторства.

– Вы слышали об отце Д’Инкарвилле? – спросил он.

Полетт задумалась.

– Не в его ли честь названа инкарвиллея, у которой чудесные цветки колокольчиками?

– Именно так. Иезуит Д’Инкарвилль несколько лет провел в Пекине при дворе императора. Его перемещения, как и всякого иностранца, были очень строго регламентированы: ему запрещалось собирать растения за пределами города, не разрешалось и посещать императорские сады. Дабы изменить ситуацию, он придумал ботанический обмен: по его просьбе из Франции ему прислали тюльпаны, васильки и колумбины. Но не они пленили императора, а скромная недотрога.

– Коли так, почему ее нет в нынешней коллекции?

Вид озелененного брига создавал о нем ложное впечатление, ибо этакий облик ему придал не безумный ученый или блаженный мечтатель, но усердный садовник, который, не утруждаясь размышлениями, решал практические задачи и считал Природу собранием головоломок, верное решение коих обеспечит ему хорошую прибыль.

Полетт прежде никогда не сталкивалась с подобной позицией. Для отца, всему ее обучившему, любовь к Природе была своего рода религией, этаким духовным подвигом: он верил, что в попытке познать жизненную суть всякого растения человечество сумеет выйти за искусственно созданные пределы земного мира. Ботаника была его Библией, а садоводство – формой богослужения; в посадке семян и обрезке деревьев Пьер Ламбер видел не просто уход за садом, но духовный труд, способ общения с бессловесными формами жизни, понять которые можно лишь через тщательное изучение их собственных средств выражения, их языка цветения, роста и увядания. Только так, наставлял он дочь, человечество сможет постичь жизненные энергии, составляющие Дух Земли.

Взгляд Хорька на мир был совершенно иным, но, как ни странно, сам он вписывался в естественный порядок вещей лучше, нежели отец Полетт. Подобно старому корявому дереву, вцепившемуся в каменистый склон, он был непоколебим в своей решимости урвать жизненные соки, чем и нажил богатство, которое для него ничего не значило: к роскоши он был равнодушен и большие деньги считал источником не покоя, но хлопот, этакой обузой, вроде мешков с капустой, в подполе хранимых на черный день.

Узнав Хорька лучше, Полетт поняла, что позицию ботаника сформировало его детство. Сын корнуоллского зеленщика, родился он в продуваемом ветрами домишке на окраине при-

морского Фалмута. Отец его некогда был матросом на юркой «фруктовой шхуне», связующем звене между садами Средиземноморья и рынками Британии, но несчастный случай, искалечивший его правую руку, заставил изменить образ жизни: он стал торговать с лотка овощами и фруктами, часть которых ему поставляли бывшие сослуживцы. В семье Пенроузов было пятеро детей, но жизненные обстоятельства позволяли им посещать школу лишь урывками: когда мальчики не помогали отцу, они подрабатывали на соседних фермах. И вот так юный Хорек привлек внимание приходского врача, который на досуге увлекался естествознанием: заметив, что парнишка имеет подход к растениям, он дал ему учебники по ботанике, чем разжег в нем аппетит к самообразованию. Все это сослужило добрую службу, когда Хорька самого взяли матросом на «фруктовую шхуну». Он быстро обучился уходу за нежным средиземноморским грузом: апельсинами, сливами, хурмой, абрикосами, лимонами и фигами. Как и на других торговых судах, команда имела право загрузить кое-что для себя с целью дальнейшей продажи. В тихую погоду Хорек использовал свою квоту для провоза саженцев фруктовых деревьев и садовых растений, которые при заходе шхуны в Лондон сбывал задорого.

Он не изменял выбранному курсу, который помог ему сколотить состояние. За годы терпеливого труда питомник Пенроуза стал лидером в мире британского садоводства, и отойти от дел даже на время было непросто. Поставщик экзотической флоры, Хорек прекрасно понимал, что садоводческий бизнес как никакой другой требует постоянного обновления, ибо, во-первых, всякий новый цветок, поначалу воспринимающийся благородной редкостью, уже через короткое время считается заурядным сорняком, а во-вторых, рынок все больше заполняли безжалостные конкуренты. Наиболее опасным соперником фирмы «Пенроуз и сыновья» был, пожалуй, питомник Вейча в соседнем Девоне: в неустанном поиске новых видов он то и дело снаряжал исследовательские экспедиции. Хорек тоже профинансировал несколько таких разведок, но с одинаково печальным результатом: одни посланники смылись с его деньгами, другие сошли с ума или умерли страшной смертью, третьи вернулись с добычей, не имевшей никакой ценности. Один такой юный разведчик из Корнуолла утаил самые ценные находки, а после продал их фирме Вейча. Предательство стало тем горче, что конкуренты были не коренными местными жителями, но переселенцами из Шотландии.

Сей опыт научил Хорька, что все нужно делать самому, так будет дешевле и лучше: ведь когда-то он, стесненный в средствах новичок, в южном Китае лично собрал экземпляры, принесшие наибольший доход его питомнику. Он понимал, что достигнет большего, отправившись в Китай на собственном судне, но такая поездка заняла бы, самое малое, два-три года и не могла состояться без предварительного улаживания всех семейных дел. Женился он поздно, а жена безвременно скончалась, оставив его с тремя детьми – мальчиками-близнецами и дочкой, много моложе братьев. Сбагрить детей родственникам было немислимо, а брак по расчету, который обеспечил бы их заботой, выглядел еще хуже. И потому Хорек был вынужден отложить свои планы до той поры, когда подросшие сыновья смогут войти в семейное дело. Пока же он тщательно готовился к путешествию и даже по собственным эскизам построил корабль, который назвал в честь родного города покойной жены.

Сыновья Пенроуза были ребята смысленные – толковые в деле и весьма здравомыслящие. Из рассказов их отца Полетт поняла, что единственное, чем они его огорчали, так это полным отсутствием интереса к ботанике и естествознанию вообще: для них растения ничем не отличались от дверных ручек, колбасы и прочего, что можно продать по рыночной цене.

И только Эллен унаследовала отцовский интерес к природе, но это было лишь одной из причин особой любви к ней. (Внешне, рассказывал Хорек, она была вылитая мать, Кэтрин, лицо которой он называл «самой красивой частью ее тела».) Далеко не крепышка, Эллен настояла на своем путешествии вместе с отцом. Хорек попытался ее отговорить, перечисляя опасности долгой поездки, но дочь привела пример Марии Мериан, легендарного иллюстратора, которая в пятьдесят два года совершила путешествие из Голландии в Южную Америку. Крыть

Хорьку было нечем, поскольку он сам поощрял ее интерес к ботанике и преподнес ей репродукции рисунков, на которых Мериан запечатлела цветы и насекомых Суринама.

Тихоня Эллен проявила неуступчивость и решительность, не хуже отцовских. В конце концов Хорек неохотно уступил: обустроил каюту для дочери, и весной бриг отправился в плавание, имея на борту команду из восемнадцати человек и солидный груз растений и оборудования. Попутные ветра вмиг домчали «Редрут» до Канарских островов, где склоны холмов в покрывале диких цветов покорили Эллен. Она захотела сойти на берег и там-то, видимо, подхватила лихорадку, проявившуюся позже, когда корабль вновь был в открытом море. Ничто из имевшихся под рукой снадобий не помогло, Эллен скончалась, когда до острова Святой Елены оставался всего день пути. Хорек похоронил дочь на холме, заросшем колокольчиками и лобелией.

Когда ботаник подвел Полетт к запертой каюте, она без каких-либо объяснений поняла, что туда давно никто не входил.

– Теперь эта каюта ваша, мисс Полетт. В сундуках осталась кое-какая одежда Эллен, можете ею воспользоваться, если сочтете нужным, – сказал Хорек и вышел, предоставив ей обживать на новом месте.

Помимо узкой койки и письменного стола, довольно скромная каюта располагала всем необходимым для удобства юной дамы, пребывающей в мужском корабельном сообществе: ватерклозетом, фарфоровым умывальником и медным тазиком-душом, хитроумно приклепанным к потолку.

Содержимое книжной полки, подвешенной над койкой, давало некоторое представление о том, что за человек была Эллен Пенроуз: зачитанная Библия, жизнеописание протестантского проповедника Джона Уэсли, методистский псалтырь и еще пара религиозных книжек, а также небольшая подборка трудов по ботанике, включавшая альбом с иллюстрациями Марии Мериан. Полное отсутствие художественных произведений говорило о том, что Эллен увлекалась романами и поэзией не больше своего отца.

Впечатление серьезной девушки подкрепляла обнаруженная в сундуках одежда с минимумом оборок, кружев и прочей мишуры. Высокие воротнички строгих платьев, преимущественно черного цвета, наглухо закрывали горло. Примерив одно из платьев, Полетт поняла, что прежняя его хозяйка была чуть полнее, но коробка для рукоделия, найденная в сундуке, позволила подогнать наряд под себя.

Она собралась с духом, прежде чем появиться перед Хорьком в платье его дочери. Но тот, занятый подвядшей дугласовой пихтой, не обратил внимания на перемену ее вида и только сказал:

– Возьмите-ка садовые ножницы.

Лишь через день-другой он мимоходом обронил:

– Знаете, Эллен была бы рада, что ее одежде нашлось применение.

Слова его застигли Полетт врасплох.

– Сэр... даже не знаю, как вас благодарить... за все...

Ком в горле не дал ей продолжить, что было к лучшему, поскольку Хорек и без того смешался – весь покраснел и едва слышно пробурчал:

– Некогда рассусоливать, работы полно.

Уже через пару дней Полетт чувствовала себя на корабле как дома, а команда была так рада избавиться от садовничьих обязанностей, что приняла ее даже теплее хозяина. Освоилась девушка быстро, и во время, что оставалось до отхода из Порт-Луи, главной ее тревогой был Захарий. Но и это беспокойство слегка улеглось после случайной встречи на пристани с Ноб Киссином-бабу, сообщившим: Захарий все еще томится под арестом, ожидая отправки в Калькутту, где его допросят о происшествии на «Ибисе».

– Утешьтесь, мисс Ламбер, все будет хорошо. Капитан Чиллингворт сгладит косые углы. Он даст благоприятные показания, и дело спустят на рукавах. Я там буду и за всем бдительно пригляжу.

Полетт воодушевилась.

– Пожалуйста, передайте мистеру Рейду, что я здорова и благополучна. Я познакомилась со знаменитым садоводом мистером Пенроузом. Он вроде как архимиллионер и сейчас направляется в Китай для сбора растений. Я получила предложение стать его ассистентом.

– Так вы едете в Китай? Буду молиться о вашей легкой дороге.

– И вам счастливого пути, Ноб Киссин-бабу. Еще скажите Захарию, что я надеюсь на нашу скорую встречу, где бы я ни была...

Путь до Сингапура вышел чрезвычайно долгим: бугийская шхуна, на которую сели Нил и А-Фатт, возвращалась из хаджа и, проходя вдоль побережья Суматры, часто останавливалась, чтобы высадить паломников. В результате поездки растянулась на несколько дней. К Сингапуру подошли в отлив, пришлось бросить якорь на внешнем рейде. Пассажиры решили не дожидаться прилива и, скинувшись, наняли тамильский лихтер, чтоб доставил их к набережной Боут-Ки.

В устье реки кишели проа, сампаны, джонки, лорчи и дау. В этой разномастной флотилии морских и речных судов выделялся средних размеров трехмачтовик, образец высокого мастерства. Он так расположился, что лихтеру пришлось пройти впритирку с его правым бортом. Изящные линии шхуны, придававшие ей щегольской вид, делали тем заметнее полученные повреждения: на форштевне, где надлежало быть утлегарю и ростре, зияла большая, укрытая сеткой дыра.

Обезглавленный корабль разглядывали все пассажиры лихтера, но несчастное судно буквально заворожило А-Фатта, который, не сводя с него глаз, так вцепился в планшир, что побели костяшки его пальцев.

К берегу пристали уже совсем в темноте. Наши путники собирались отыскать какую-нибудь ночлежку, за пару медяков дающую приют ласкарам, кули и всякому рабочему люду, но А-Фатт вдруг сказал:

– Я оголодал. Пошли, найдем лодку-кухню.

Вдоль набережной стояло много лодчонок с зажженными фонарями, на некоторых клиенты, преимущественно китайцы, что-то ели и пили. А-Фатт останавливался возле каждой лодки, но чем-то они его не удовлетворяли, а потом он вдруг подал знак Нилу следовать за ним и по сходням решительно направился к суденышку, темнее и малолюднее прочих.

– Почему сюда? – спросил Нил. – Чем здесь лучше?

– Ничем. Идем.

Обитатели лодки, круглолицая девушка и двое стариков, похоже, ее дед и бабушка, готовились отойти ко сну – старик уже улегся на циновку. Шагая по сходням, А-Фатт что-то им крикнул. Нил не знал, было это приветствием или вопросом, но слова его спутника оказали магическое воздействие: старики встрепенулись, расплывшись в гостеприимных улыбках, а девушка радостно всплеснула руками и что-то прокричала в ответ.

– Что она говорит?

– Дядюшка и тетюшка уже почивают, но она будет счастлива нас накормить.

Подобное радушие было тем удивительнее, что путники выглядели нищими бродягами: обтрепанные штаны, грязные рубахи, котомки за спиной.

– Что ты им сказал? – поинтересовался Нил. – Почему они так тебе обрадовались?

– Я заговорил на лодочном языке, – в своей отрывистой манере ответил А-Фатт. – Они поняли. Не бери в голову. Пора поесть рису. И выпить. Кантонского грогу.

Лодка-кухня имела любопытную форму: надстройки на корме и носу создавали впечатление вырезанной середины корпуса. На корме располагался дощатый «домик» с тяжелой дверью, а на носу – крытый соломой навес, под которым питались клиенты, усевшись за «столы» – уложенные на борта доски. Собственно кухня была в центре лодки, и повару хватало полшага, чтобы доставить блюдо к столу.

Устроившись под навесом, А-Фатт о чем-то перемолвился с девушкой и показал на «домик», с крыши которого свешивались головой вниз живые куры, за ноги подвязанные к карнизу. Девушка кивнула и сдернула одну курицу, точно плод с ветки. Птица кудахтнула, затрепыхалась, а потом, уже безголовая, молотила крыльями, очутившись в речной воде. Через минуту она стихла и подверглась разделке, в результате которой внутренности ее переместились в привязанный к борту садок, откликнувшийся бульканьем; чуть позже заскворчало масло на раскаленной сковородке, и вскоре гости получили тарелки с жареными потрохами.

Блюдо оказалось таким вкусным, что Нил пренебрег палочками *хаси* и жадно орудовал руками, а вот А-Фатт, жаловавшийся на голод, даже не притронулся к еде, но все смотрел на пострадавший корабль в устье реки.

– Чего ты на него уставился? – спросил Нил. – Что в нем такого особенного?

А-Фатт тряхнул головой, словно выходя из транса.

– Скажу, только ты не поверишь.

– Но все-таки поведай.

– Корабль принадлежать... моя семья. Мой отец. – А-Фатт гоготнул.

– В каком смысле?

– В прямом. Им владеть семья мой отец.

На столе возник кувшин с ядрено пахнущей жидкостью, которую А-Фатт плеснул себе в маленькую белую плошку. Сделав глоток, он рассмеялся, что порой служило признаком его замешательства или смущения. Нил не понял, знаком чего это было сейчас – серьезности или веселости, поскольку настроения его друга внешне проявлялись иначе, нежели у других людей. За месяцы общения с ним Нил усвоил, что внезапная детская дурость может быть симптомом клокочущего гнева, а глубокомысленное молчание вызвано не чем иным, как приступом сонливости.

Однако Нил почувал, что спутник его не особо расположен к веселью, но как будто сопротивляется сильной и противоречивой связи, существующей между ним и кораблем.

– И какое имя носит корабль? – Нил нарочно задал этот вопрос, подозревая, что не получит ответа, но тот пришел без всякой паузы:

– «Анахита». В отцовской вере – богиня воды. Вроде нашей А-Ма. Раньше на носу иметь фигура. Как называться?

– Ростра?

– Ростра. Теперь пропасть. Семья печалиться. Особенно дед, он строить этот корабль.

– Дед? – переспросил Нил. – Ты имеешь в виду, со стороны отца?

– Нет. Со стороны старшей жены отца. Сет Рустам-джи Мистри, известный бомбейский корабел...

Рассказ перебила кухарка, поставившая на стол тарелку с поджаристой куриной ножкой. А-Фатт взял *хаси* и, отщипнув кусочек мяса, поднес его к губам девушки; после недолгой шутиливой борьбы та его проглотила и, рассмеявшись, шлепнула гостя по руке.

– Прости, Нил. – Глаза А-Фатта сияли. – Давно не иметь женщина. Отвык от флирт. – Он фыркнул и снова плеснул напиток в плошки. – Только ты да я. Со связанными ногами, точно куры. – Он показал на подвешенных птиц.

– Да уж, – кивнул Нил.

В узилище «Ибиса» даже повернуться на другой бок они могли только согласованно. Еще никогда Нилу не доводилось проводить так много времени и в столь тесном соседстве с другим человеком, однако сейчас он вновь подумал о том, что почти ничего не знает об А-Фатте.

– Ты хочешь сказать, что состоишь в родстве с сетом Рустам-джи Мистри? – спросил Нил.

– Да. Через отца. Его старшая жена – дочь сета. Долгое время даже я этого не ведал...

Уже подростком А-Фатт узнал, что в далеком Бомбее у него, оказывается, есть родичи. С детства он считал себя сиротой – отец с матерью, сказали ему, умерли, когда он только родился, и его усыновила вдовствующая тетушка, ставшая ему приемной матерью. Так говорилось всем знакомым на кантонском побережье и в Городе чужаков. Внешность А-Фатта ничем не выдавала его истинного отца – приобретенная под солнцем смуглость была обычной среди лодочного люда. Он постепенно рос и считал свою семью самой обычной, хотя имелось одно отличие: у них был богатый покровитель – дядя Барри, «белоголовый» чужак из Индии, который стал его *кай-е*, крестным отцом. По рассказам, когда-то отец А-Фатта работал на дядю Барри, и тот, чувствуя себя в большом долгу перед осиротевшим ребенком, давал деньги на его содержание, привозил индийские подарки и оплачивал учителей.

Приемная мама не одобряла дядиных амбиций, считая их зряшной тратой денег. Устроить обучение сына лодчицы было непросто, но дядя Барри щедро оплачивал уроки, чтобы мальчик, овладев литературным китайским языком и основами английского, превратился в «респектабельного жан-тиль-мана», который легко сойдется с чужеземными коммерсантами, впечатлив их своими знаниями и спортивной сноровкой. Приемная мама не видела в том никакого проку: лучше бы дядя Барри просто давал деньги и оставил ребенка в покое. Зачем А-Фатту чистописание, если лодочникам запрещено держать экзамен на место в государственных учреждениях? Для чего ему уроки бокса и верховой езды, если лодочникам не позволено даже строить дома на берегу? Пусть бы мальчик учился рыбачить, ходить под парусом и на веслах.

Но если не наяву, то во снах приемная матушка сознавала, что сын ее вовсе не лодочник, ибо ее частенько посещали кошмары, в которых на мальчика нападала рыба-дракон – гигантский осетр. И посему она не подпускала его к воде.

Как все другие лодочные дети, А-Фатт носил на щиколотке колокольчик, извещавший о его местонахождении; как всех других, его сажали в бочку, едва лодка отплывала от берега; как всем другим, к спине ему привязывали доску, которая, свались он за борт, удержала бы его на плаву. Но к двум-трем годам все другие дети уже избавились от колокольчиков и досок, а он – нет, что делало его мишенью для насмешек. Другие ребяташки зарабатывали деньги, на забаву чужеземцам ныряя за монетами и побрякушками, которые те бросали в воду. А-Фатт тоже хотел плавать, нырять и зарабатывать, но из-за призрака рыбы-дракона, притаившейся в засаде, ему это категорически воспрещалось.

Однако приемная мать понимала, что дитя водяных отлучить от воды невозможно.

– С малых лет они... мы плаваем...

На столе появились миски с прозрачным бульоном, в котором покачивались куриные фрикадельки, и А-Фатт палочкой ткнул в одну:

– Вот так и мы учимся держаться на воде. *Пун-тей*, сухопутные люди, над нами смеются – мол, у нас плавники вместо ног. И я учиться плавать, когда матушки нет рядом, иногда вместе с ребятами нырять за монетами. Однажды она меня застукать и тащить из воды. Очень стыдно, я хотеть утопиться, пусть меня съест рыба-дракон. Я думать, тетушка так поступать, потому что я сирота. Родной сын она не лупцевать. Я думать, лучше сбежать. Я строить план, говорить с нищими бродягами, но старшая сестра проведать. И все мне рассказать: тетушка – не приемная, а моя родная мать. Дядя Барри – не крестный, а мой родной отец. Матушку не спросить – она побить старшая сестра за то, что разболтала. Я ждать дядя Барри, улучшить момент и пытаться: ты правда мой отец, а тетушка – моя мать? Сперва он говорить: нет, неправда.

Я не отставать, и тогда он плакать и сознаваться: да, все правда, он мой отец, в Бомбее он имеет другая семья.

А-Фатт смолк и чокнулся с плоской друга; когда тот молча выпил, он снова наполнил плоски.

– Наверное, ты пережил шок? – тихо спросил Нил. – Обо всем узнать, да еще вот так...

– Шок? Да, наверное, – буднично произнес А-Фатт. – Сперва я просто хотеть узнавать. Про Бомбей. Про старшую жену. Про сестер. Вообрази, как все это странно. Всю мою жизнь мы живем вот в такой же лодке, мы такие же бедняки. И вдруг я узнавать, что мой отец *хоугвай*, богач, белоголовый бес. Теперь я думать: мать меня лупить, потому что я не настоящий китаец, я ее тайный позор, но я все-таки нужен, поскольку отец давать ей деньги. Теперь все равно. Есть другая семья. Я хотеть о ней знать все. Я спрашивать, отец молчать. Не хотеть о том говорить. Рассказывает про Малакку, Коломбо, Лондон, а про Бомбей – нет. В книгах я читал, что «Западный остров», Индия, обладать золотом и чудесами, я хочу туда полететь, как Царь обезьян. Но это мечты, а живу я в лодке-кухне. Потом я узнаю про отцовский корабль «Анахита» и страсть как хочу его увидеть.

– Он пришел в Кантон?

– Нет, большим кораблям в Кантон не зайти, как и в здешнюю реку. Слишком мелко. Они бросают якорь в Хуанпу – по-английски, Вампоа. Туда-сюда снуют лодки, и я узнаю, что корабль поставить рекорд – из Бомбея в Кантон за семнадцать дней. Отец приходит, и я прошу: возьми меня на твой корабль. Он краснеть, качать головой. Бояться, что обо мне проведать в Бомбее. Старшая жена узнать, быть беде. Отец говорить: корабль не мой, им владеть тесть и шурины, а я как наемный слуга и должен быть начеку. Я не слушаю, мне все равно. Говорю: или возьмишь меня, или я тебя опозорю. Сам доберусь в Вампоа. Ладно, говорит отец, возьму. Только отвозит не сам, велит своему управляющему. Вико водит меня по кораблю, рассказывает о нем. Таким он мне и представлялся – дворец, богаче лодки мандарина. Не поверишь, пока не увидишь своими глазами...

А-Фатт повернулся к «Анахите», шканцы которой были чуть озарены лившимся из нактоуза светом.

– Как по-английски называть третья мачта, что ближе к корме?

– Бизань.

– Там она, как дерево. От ствола отходят корни, в одном вырезана лавка. Дед нарочно придал мачте вид баньяна. Вико рассказал. Как увижу «Анахиту», всегда вспоминаю эту мою лавку...

И вновь повариха его перебила, подав миски с дымящимся рисом и последними порциями разнообразно приготовленной курицы. Рассказ А-Фатта настолько увлек Нила, что он даже не взглянул на еду, источавшую соблазнительный аромат.

– Потом ты еще бывал на корабле?

– Нет, не бывал, но много раз видел. Возле острова Линтин.

– Ездил туда повидаться с отцом?

– Нет, он никогда посещать Линтин, – сказал А-Фатт и, видя недоумение спутника, добавил: – Смотри-гляди, сейчас поймешь... – Ловко орудуя хаси, он выудил из куриной грудки косточку-дужку и положил ее на доску. – Это устье Жемчужной реки, путь в Кантон. – А-Фатт взял несколько рисин и рассыпал их вокруг дужки. – Это острова, их много, торчат из моря, словно зубы. Очень полезны пиратам. И заграничным торговцам вроде отца. Чужеземный корабль не может везти опий в Кантон. Запрещено. И купцы притворяются, будто не ехать в Китай. Они ехать сюда... – палочка указала на зернышко посередине развилки, – ...на остров Линтин. И там продавать опий. Как условятся о цене, покупатель высылать «резвого краба» – быстроходную лодку в тридцать весел. – А-Фатт рассмеялся и палочкой запульнул дужку в воду. – Вот в таком «резвом крабе» я попасть на Линтин.

– Зачем? Что тебе там понадобилось?

– А как ты думать? Брат опий.

– Для кого?

– Мой хозяин. Он большой торговец опий, иметь много «резвый краб», много работник. Мы все один большой семья, а он наш Старший брат. Мы зовем его Брат Лу. Он из Кантона, но много ездить, даже в Лондон. Долго там жить, потом возвращаться и затевать дело в Макао. Много, как я, на него работать, такой ему годиться.

– Что значит – такой?

– *Цзап-цзюн-цзай*, полукровка. На Жемчужной реке, в Макао, Вампоа, Гуанчжоу, такой много. В любом порту, где можно купить женщину, полно ублюдков, кого надуло западным ветром. Им тоже надо есть и жить. Брат Лу давать нам работа, хорошо относиться. И впрямь быть мне старший брат. Но потом случись беда. И я бежать из Кантона. Обратнo нельзя.

– Что произошло?

– Брат Лу иметь женщина. Не жена, а... как сказать?

– Наложница?

– Да. Наложница. Очень красивый. Звать Аделина.

– Европейка?

– Нет. Ее тоже ветром надуло. Она как я: наполовину китаянка, наполовину ачха.

– Кто это – ачха?

– В Кантоне так называть ваш народ. Все индусы – ачха.

– Это слово означает «добро», «благополучие».

А-Фатт рассмеялся:

– В кантонском диалекте смысл обратный – «плохой человек». Выходит, для меня ты хороший, для других – плохой.

Нил тоже засмеялся:

– Значит, твоя Адели наполовину хорошая? Откуда она родом?

– Мать ее из Гоа, но жить в Макао. Отец – кантонский китаец. Адели очень красивый и любить курить опий. Когда Брат Лу уезжать, мне приказ смотреть за Адели. Иногда она просить подымить вдвоем. Она и я наполовину ачха, но никогда не видеть Индия. Мы говорим об Индии, о матери Адели и моем отце. А потом...

– Вы стали любовниками?

– Да. Мы оба *динь-динь-дак-дак*. Обезумели.

– И хозяин узнал?

А-Фатт кивнул.

– Что он сделал?

– Как ты думаешь? – А-Фатт пожал плечами. – Страна иметь законы, семья – правила. Я понимать, что Брат Лу захочет меня убить, и потому я прятаться у матери. Потом я узнавать, что приходиться один из семьи, и я бежать прочь. В Макао я притворяться, будто христианин. Прятаться в семинарии. Меня отправлять в Серампор, Бенгалия.

– А что Адели?

А-Фатт посмотрел на Нила и палочкой хаси показал на мутные воды реки.

– Она покончила с собой?

А-Фатт чуть заметно кивнул.

– Но все это в прошлом, – сказал Нил. – Ты не думаешь вернуться в Кантон?

– Нет. Нельзя, хоть там мать. Брат Лу иметь глаза повсюду. Нельзя.

– А что отец? Почему не повидаться с ним?

– Нет! – А-Фатт грохнул плоской о стол. – Не желать его видеть.

– Почему?

– Последний наша встреча я просить взять меня в Индия. Хотеть уехать. Прочь из Китай, долой из Кантон. Я понимать: если останусь, беда мне и Адели. Брат Лу узнать и делать с нами что угодно. И вот прихожу к отцу. Прошусь на «Анахиту», в Индию. Он говорить: нет, Фредди, невозможно. Никак. Я делаться злой. Как черт. Больше никогда не видеть отца.

Вопреки ярости, звучащей в голосе друга, Нил чувствовал, что А-Фатта тянет на корабль, как магнитом, и тянет все сильнее.

– Послушай, что бы ни было между тобой и отцом, все это осталось в прошлом. Возможно, он стал другим. Не хочешь узнать, сейчас он на корабле или нет?

– Я и так знаю, – сказал А-Фатт. – Он там.

– Как ты узнал?

– Видишь флаг с колоннами? Его поднимают, лишь когда отец на борту.

– Так, может, послать ему весточку?

– Нет! – А-Фатт будто выплюнул отказ. – Не желаю!

Обычно он не проявлял своих чувств, но сейчас лицо его и вовсе превратилось в застывшую маску. Правда, уже через секунду он выпрямился, тряхнул головой и залпом опорожнил плошку.

– Что-то я разговорился. Хватит болтать. Пора спать.

– Где?

– Здесь, в лодке. Хозяйка позволять нам заночевать.

4

Отправляясь с Маврикия в южный Китай, Хорек выбрал кратчайший путь, пролежавший через Яву; остановка для пополнения запасов провизии предполагалась в порту Ангер, откуда был виден вечно дымящийся конус Кракатау на другой стороне Зондского пролива.

Когда на бриге прозвучала команда «поднять паруса», «Ибис» по-прежнему стоял на якоре. Покидая гавань, «Редрут» прошел в паре сотен ярдов от шхуны с оголенными мачтами, на палубе которой не было ни души. По сравнению с высокими парусниками, стоявшими рядом, она выглядела совсем крохой, и казалось удивительным, что такое маленькое судно сыграло столь большую роль в жизни многих людей. Ветер надул паруса брига и погнал его вперед, а Полетт все не могла оторвать глаз от «Ибиса». Хорьку пришлось напомнить, что ее ждет работа:

– Смотрите в оба, мисс Полетт, в море канителиться некогда.

В верности этих слов она убедилась быстро: уход за растениями на плывущем корабле почти не оставлял времени на досуг. С ящиками и горшками, как будто притороченными к спине строптивного животного, все время что-то происходило. Казалось, «Редрут» забыл о ровном киле, но просто качка была бы счастьем, ибо бригу нравилось круто заваливаться на борт либо зарываться носом в волну, и подобные выкрутасы таили в себе угрозу для растений. Крен заставлял тенелюбивые кустики выглянуть под палящее тропическое солнце, игривая волна обдавала горшки вредоносными солеными брызгами, а «ящики Уорда» старались, освободившись от вязок, прокатиться по палубе.

Для борьбы с этими многочисленными сложностями имелись приемы, разработанные лично Хорьком, которым он, не пускаясь в долгие объяснения, обучал по принципу «смотри и делай, как я». Правда, иногда за работой он начинал что-то бормотать себе под нос, и из этой невнятицы Полетт сумела извлечь для себя много полезного.

Вот, скажем, грунты: заметив, что какое-нибудь растение вянет даже в тени, Хорек искал причины его нездоровья в почве, из которой оно произрастало. Грунты он подразделял на «горячие» и «холодные», имея в виду, что одни быстрее прогреваются, а другие дольше удерживают тепло. Для получения сбалансированного грунта он держал запас бочонков с землей, промаркированной «холодная» и «горячая». Первый тип грунта был светлый, вроде известкового, второй – темный, торфянистый, пересыпанный корешками. Когда возникала необходимость, Хорек командировал ассистентку в трюм за тем или иным грунтом, и потом в тщательно отмеренных дозах использовал это снадобье.

Поначалу Полетт сочла подобное подразделение грунтов причудой и выдумкой, но потом уже не могла отрицать того, что иногда метод ее наставника оказывает чудодейственно животворящий эффект.

Столь же глубоко Хорек изучил воздействие органических удобрений. Ничуть не отвергая традиционные обогатители почвы (в трюме «Редрута» было изрядно бочонков с рапсовым жмыхом, дробленным солодом и молотым льняным семенем), он больше верил в то, что удавалось раздобыть во время плавания – например, морские водоросли. Он считал, что некоторые их виды, претерпев вымачивание, сушку и измельчение, будут чрезвычайно благотворны для растений. Заметив пятно водорослей, Хорек тотчас забрасывал сеть и ведра, возвращавшиеся с уловом, после чего отделял нежелательные особи, а остальное замачивал в пресной воде и развешивал на снастях. Потом в ступке растирал высушенные травы и далее использовал полученный порошок по щепотке, как драгоценное лекарство.

Корабельный выводок кур был еще одним важным источником подкормки растений. В обязанность Полетт входил ежеутренний сбор помета, который, по словам Хорька, после заливки водой и брожения становился мощным удобрением. Кости и перья птицы, отдавшей жизнь ради питания команды, тоже шли в дело: измельченные, они отправлялись в компостные бочки, подвешенные к корме брига. Морские птицы, уверял Хорек, были еще полезнее, поскольку рубке подвергались целиком. Стоило усталой гагарке или чайке присесть на рею, как среди матросов возникал ажиотаж, ибо за пойманных птиц Хорек выплачивал небольшое вознаграждение.

Кости млекопитающих были еще одним ценным компостным ингредиентом и, раздробленные молотком, неизменно отправлялись в кормовые бочки. Полетт даже не слышала о подобном их использовании, но Хорек поведал, что это обычное дело в Лондоне, где мясники за хорошие деньги сбывали фермерам отходы своего ремесла – не только кости, но также шерсть и рога. Доход приносили даже костная мука и костная стружка: их варили, растирали в порошок и формовали в брикеты, богатые известью, фосфатами и магнием.

Не были забыты рыбы и рыбьи кости – за бригам всегда тянулись две-три лески. С крупной рыбой, которую можно было подать к столу, Хорек соглашался расстаться лишь на том условии, что после аккуратной разделки ему вернут голову, хвост и скелет; мелкая рыбешка без разговоров отправлялась в компостную бочку. В Корнуолле, рассказывал Хорек, некондиционные сардины считались отличным удобрением, их целиком зарывали в землю.

Однажды на крючок попала небольшая морская свинья; Полетт предложила ее выпустить, но Хорек и слышать о том не хотел. Он где-то прочел, что на ферме в Суррее лорд Сомервиль с большим успехом использовал подкожный жир, и теперь радостно смотрел на свой трофей, «извивавшийся, как уж на сковородке». К огорчению Полетт, морскую свинью казнили, а добытый из нее жир поместили в отдельный бочонок.

Из ингредиентов компоста исключалось лишь то, что в присутствии Полетт Хорек называл фекалиями. Он пошел на такую уступку из-за предубеждений команды, но открыто признавал, что, будь его воля, охотно использовал бы и сии компоненты. Химические исследования доказали, говорил Хорек, что любая моча, животного и человека, содержит ценные элементы, необходимые растениям в процессе роста. Что касемо другого отхода жизнедеятельности, то не зря в Корнуолле его прозвали «жмотом, который даже из дерьма извлечет выгоду», и он не стыдится того, что первым в Британии использовал нечистоты как удобрение, освоив доселе ему неведомый садоводческий прием китайцев.

– Вот как, сэр? Были и другие новшества?

– Разумеется, – сказал Хорек. – Например, китайцы доки в карликовых видах. Уж сто лет, как используют теплицы. Потом еще воздушные отводки.

О таком Полетт и не слыхала.

– Помилуйте, что это?

– Прививка непосредственно на ветке... Этот садоводческий прием, который я распространил в Британии, принес мне хороший доход.

Хорек сбегал в свою каюту и вернулся с приспособлением собственного изобретения, названным им «Размножающий горшок Пенроуза». В наполненном землей контейнере размером с лейку сбоку имелась прорезь для древесного побега. За дужку подвешенный к ветке, горшок позволял росту пустить корни без пересадки в почву.

– Я бы до этого в жизни не додумался, если б не подглядел у китайцев.

Рассказы эти изумляли Полетт. Хорек совершенно не вписывался в ее представление о собирателе растений, а его чудаковатая внешность и манеры не давали поверить в то, что он ко всему еще и бесстрашный путешественник. Но Полетт помнила, что говорил отец о величайшем ботанике Гумбольдте, который был полной противоположностью ходившим о нем легендам: те, кто искал с ним встречи, часто принимали за самозванца этого толстяка, щеголя и бонвивана. Хорек, конечно, был иного склада, но коллекция растений и оборудования на «Редруте» служили веским доказательством его серьезности, компетентности и подлинной страсти к своему делу.

Однажды Полетт спросила:

– Могу ли я узнать, что вас впервые привело в Китай?

– Можете, – сказал Хорек, подергивая бровями. – Отвечу как на духу. Было это, когда я, зарабатывая на жизнь, ходил на корнуоллской «фруктовой шхуне»...

Одним летом они пару дней стояли в Лондоне, и до Хорька дошел слух, что некий джентльмен ищет матросов, хоть немного умеющих обращаться с растениями. Далее выяснилось, что господин этот – не кто иной, как сэр Джозеф Бэнкс, управляющий Королевских садов Кью.

– Сэр Джозеф Бэнкс? – воскликнула Полетт. – Тот самый, что первым описал флору Австралии?

– Он самый.

В годы службы на «фруктовой шхуне» Хорек не забросил свои научные интересы, но свободное время, которое другие матросы коротали за сигаркой, трепом и ничегонеделаньем, посвящал чтению и самообразованию. Для него не было новостью, что сэр Джозеф естествоиспытателем участвовал в первой экспедиции капитана Кука, а на посту президента Королевского общества непрерываемо правил подлинной империей научных учреждений.

На первой встрече Хорек, ужасно трепетавший перед светилом, опасался, что дело не заладится. Истинный джентльмен, сэр Джозеф выглядел величественно и убийственно прекрасно – от локонов напудренного парика до башмаков, надраенных до блеска. Представ перед ним, Хорек еще острее ощутил собственную неприглядность: залатанная куртка и обсыпанное волдырями лицо, которое корабельные шутники сравнивали с горшком бурлящей похлебки. И вообще застенчивый, в ответственные моменты он становился так косноязычен, что даже родичи над ним потешались: мол, ни бе ни ме, вылитый деревенщина.

Но Хорек тревожился напрасно. Сэр Джозеф, тотчас определив в нем уроженца Корнуолла, задал пару вопросов о тамошней флоре: о данаа голостебельной и цветке, прозванном «коралловым ожерельем». Хорек сумел дать их верное описание.

Ответ вполне устроил Куратора, он поднялся из кресла и стал расхаживать по комнате, а потом вдруг остановился и сказал, что для поездки в Китай ищет человека с садоводческим опытом.

– Может быть, вы тот, кто мне нужен?

Хорек поскреб голову и флегматично промямлил:

– Смотря какое жалованье, сэр, и какие ваши цели. Ничего не скажу, покуда не узнаю больше.

– Что ж, слушайте...

Всем известно, сказал сэр Джозеф, что сады Кью обладают внушительной коллекцией растений из самых дальних уголков нашей планеты. Но одна местность представлена весьма

слабо, а именно Китай – страна, одаренная несметными ботаническими богатствами, чрезвычайно красивыми и вместе с тем целебными растениями, многие из которых представляют собою неизмеримую коммерческую ценность. Скажем, *Camellia sinensis*, вид чайной камелии, занимает огромную долю в мировой торговле чаем, коя составляет одну десятую часть национального дохода Англии.

Драгоценность сей флоры не пропустили и заклятые соперники британцев по другую сторону Ла-Манша: голландские, а также французские питомники лекарственных трав и гербарии уже давно пытаются раздобыть коллекции китайских растений, но не особо в том преуспели. Причина неудач как на ладони – необыкновенное упрямство китайцев. В отличие от народов других природой осчастливленных стран, жители Поднебесной прекрасно знали цену своему натуральному богатству. Прославленные на весь мир садовники и цветоводы зорко стерегли свои сокровища, их не соблазняли ни побрякушки, на которые кидались другие нации, ни даже щедрые взятки. Европейцы, годами пытавшиеся заполучить стойкие виды чайных кустов, предлагали вознаграждение, какого хватило бы на покупку всех аравийских верблюдов, но воз и ныне там.

Дополнительную сложность представляло то, что в Китае европейцам не дозволялось колобродить по стране, к чему они привыкли в иных пределах, но допускали их лишь в два города, Кантон и Макао, где они находились под неусыпным надзором властей.

Невзирая на все эти препятствия, главные державы не ослабляли усилий в добывании наиболее ценных растений. В этой гонке Англия даже имела некоторое преимущество перед соперниками, стартовавшими раньше: в Кантоне британское представительство Ост-Индской компании было самым крупным. Воспользовавшись этим, Джозеф Бэнкс убедил кое-кого из научно мыслящих чиновников заняться, по возможности, собиранием коллекций. Их деятельность увенчалась скромными плодами, но тут возникла новая проблема: переправить растения из Китая в Англию оказалось чертовски сложно. Переменчивая погода, протечки морской воды, пересечение разных климатических зон – все это было не самым страшным. Главной напастью стало отношение к своему грузу моряков, наихудших, вероятно, садовников на свете. Они, похоже, воспринимали растения как личных врагов и лишали их полива, стоило замаячить угрозе нехватки пресной воды, а в шторм или при проходе через мели считали их ненужным балластом.

Все прежние подходы доказали свою несостоятельность, и пару лет назад сэр Джозеф решил послать в Кантон надлежаще подготовленного садовника. Выбор его пал на десятника садов Кью, молодого шотландца по имени Уильям Керр. С порученным делом тот справился хорошо, но последнее время что-то засуетился: в письме уведомил о своем намерении будущим летом отправиться на Филиппины и просил подыскать надежного человека, кому он смог бы доверить транспортировку собранной коллекции растений.

– Ну что скажете, приятель? – задал вопрос сэр Джозеф. – Не угодно ли вам предпринять путешествие с данной целью? Если готовы, я похлопочу о месте на корабле, что на следующей неделе отбывает в Кантон.

Хорек взялся исполнить задачу и, хотя с отъездом возникла задержка, справился с делом настолько хорошо, что заслужил расположение влиятельного Куратора: через год-другой он вновь был послан в Китай, но уже не сторожем коллекции, а сменщиком Уильяма Керра. Именно вторая поездка создала ему репутацию среди ботаников и садоводов – из Макао и Кантона, где он провел два года, Хорек привез много новых растений. Он старательно отбирал виды, которые наверняка приживутся на британской почве, и вскоре его новинки заняли прочное место в английских садах: два сорта глицинии, обольстительная лилия, прелестная азалия, необычная примула, лучезарная камелия и прочие.

– Для многих Кантон стал лесенкой к богатству, и мне повезло оказаться среди этих счастливицков, – сказал Хорек.

– А какой он, этот город? – спросила Полетт. – Наверное, там повсюду сады? Хорек рассмеялся, что с ним бывало редко.

– Ничего подобного, это деловой, невиданно многолюдный полис. Огромный, больше Лондона. Море домов и лодок, а растения объявляются в самых неожиданных местах: укутывают крышу сампана, обвивают прогнившую изгородь, свешиваются с укромного балкона. По улицам снуют тележки с цветочными горшками, реку утюжат лодки, торгующие исключительно цветами. В праздники весь город утопает в бутонах, а цветочники продают свой товар по ценам, которые заставили бы английских садовников позеленеть от зависти. Однажды я своими глазами видел, как целую лодку орхидей распродали за час, а ведь каждый цветок стоил сотню серебряных долларов.

– Ужасно не терпится все это увидеть, сэр!

Хорек нахмурился.

– Знаете, не выйдет.

– Что? Почему?

– Европейцам запрещен въезд в Кантон. Таков закон.

– Но как же так, сэр? – в отчаянии воскликнула Полетт. – А коммерсанты, что живут там? Разве жены и дети не с ними?

Хорек покачал головой:

– Дальше Макао иностранкам ходу нету.

Известие, что она не увидит Кантон, жутко расстроило Полетт – как будто с небес низвергся огненный меч, отсекавший ее от Эдема и лишивший возможности вписать свое имя в анналы ботанических изысканий. На глазах ее закипали слезы.

– Но где же я буду жить, коль не смогу поехать с вами в Кантон?

– В Макао многие уважаемые английские семьи берут постояльцев. Потерпеть вам недолго, неделю-другую.

Всю дорогу Полетт представляла, как на природе будет собирать растения, и теперь, чувствуя себя обкраденной, расплакалась:

– Но я же пропущу самое интересное!

– Успокойтесь, мисс Полетт, не надо так переживать, – сказал Хорек. – Вдоль побережья рассыпаны острова, где вы сможете заняться сбором. Причин для огорченья нет. Вот, взгляните...

На морской карте он указал на сотни островков в разверстом устье Жемчужной реки. На левой стороне устья расположилось португальское поселение Макао, где чужеземные корабли получали «штемпель», позволявший проход по реке в Кантон. Возле правой его стороны лежал крупный, продуваемый ветрами, малонаселенный остров Гонконг, жители которого не придавали значения полу чужестранцев, ступавших на их берег. Однажды Хорек его посетил, получив уникальную возможность заняться в Китае сбором диких растений. В тот раз он отыскал чудесные орхидеи и всегда хотел вернуться на остров, дабы тщательно его исследовать.

– О лучшем месте нельзя и мечтать, мисс Полетт. Там ваше желание соприкоснуться с живой природой осуществится в полной мере.

Как обычно при встрече, Задиг крепко обнял друга и расцеловал в обе щеки. И лишь когда друзья расступились, Бахрам заметил разительную перемену в облике старинного приятеля.

– Надо же! – воскликнул он. – Ты прям белый господин! Саиб!

Облаченный в парусиновые брюки, сюртук и сорочку со стоячим воротничком, Задиг поправил галстук и смущенно отмахнулся:

– Смейся, смейся, дружище, – сказал он. – Может, когда и тебе придется этак вырядиться. Тут оно иногда бывает полезно.

В гостиной хозяйской каюты перед открытым иллюминатором стояли два больших деревянных кресла. Усадив друга, Бахрам спросил:

– Надеюсь, ты так оевропеился не ради *пан-масалы*?¹⁷

– Пока что нет, – усмехнулся Задиг.

– Вот и хорошо. – Бахрам кивнул *кхидмадгару*, вестовому, чтоб подавал угощение.

Задиг оглядел гостиную, в которой бывал много раз.

– Слава богу, здесь ничто не попорчено. А вот нос корабля выглядит ужасно.

– Нам еще повезло, – сказал Бахрам. – Такого шторма я не припомню. Смыло двух ласкаров, погиб мой старый секретарь-парс, его убило прямо в каюте. Да еще трюм затопило.

– Груз пострадал?

– Мы потеряли триста ящиков.

– С опиумом?

– Да.

– Ничего себе! – Задиг вскинул бровь. – По ценам прошлого года это стоимость двух новых кораблей!

Вестовой поставил серебряную шкатулку на чайный столик. Откинув крышку, Бахрам взял свежий зеленый лист бетеля и тщательно обмазал его лаймом.

– Шторма сильнее я не припомню, – повторил он. – Затопило трюм, и я пошел глянуть, что можно сделать. Там было скользко, я упал, и вот тогда-то произошло нечто весьма странное.

– Рассказывай, Бахрам-бхай, я весь внимание.

Серебряным секачом Бахрам разрубил орех катеху.

– Казалось, сейчас я захлебнусь. Ты слышал о том, что проносится перед внутренним взором утопающего?

– Да.

– Мне привиделась Чимей. Это еще одна причина, почему я так рад нашей встрече, Задиг-бей. Расскажи все, что ты узнал о Чимей и Фредди, когда последний раз наведалься в Кантон.

Сложив лист бетеля треугольником, Бахрам подал его другу, и тот засунул угощение за щеку.

– К сожалению, я мало что знаю, Бахрам-бхай. На причале лодки Чимей не оказалось. Я разыскал твоего давнего компрадора Чунква, и он поведал мне, что случилось.

Бахрам снова взял секач.

– Ну поделись.

Задиг помялся.

– История скверная, потому-то я и не хотел о ней писать. Решил, расскажу при встрече.

– Говори! – подстегнул его Бахрам. – Что там произошло?

– Похоже на грабеж. В лодку забрались воры, Чимей попыталась их прогнать. Вот так оно все и случилось.

Бахрам замер, секач выпал из его руки.

– Ты хочешь сказать, ее убили?

– Да, дружище. Горько, что сообщать об этом приходится мне.

– А Фредди?

– О нем Чунква ничего не знал. Он исчез незадолго до гибели Чимей, и с тех пор никаких вестей.

– Думаешь, и с ним случилась беда?

---

¹⁷ Пан-масала – смесь трав, орехов и специй, которая в Индии подается после еды.

– Ничего не известно. Не спеши с выводами. Может, он просто куда-нибудь уехал. Говорят, его сводная сестра вышла замуж и перебралась в Малакку. Возможно, он у нее.

Бахрам вспомнил свою последнюю встречу с Чимей три года назад: они свиделись на ее недавно купленной новой лодке, большой и красивой, с кормой в виде вскинутаго рыбьего хвоста. Он пришел попрощаться перед отъездом в Бомбей. Их отношения, добрые и приятные, уже давно напоминали многолетнее супружество, и он частенько ужинал в ее лодке. Специально для него Чимей ничего не готовила, поскольку стряпня ее ограничивалась простыми кантонскими блюдами, но она знала его любовь ко всему острому, да с пахучими специями. А посему в соседних лодках-кухнях покупала перченую лапшу дан-дан, курицу «Пожар во рту» и сычуаньские «Супружеские дольки». Накрыв стол, она усаживалась напротив и веером отгоняла мух. За эти годы Чимей слегка раздалась, лицо ее чуть оплыло, и она по-прежнему ходила в мешковатой одежде неброского цвета. Бахраму было досадно, что она так мало заботится о собственной внешности. «Почему ты не носишь украшения, что я тебе подарил?» – спросил он. Чимей достала нефритовую брошь в золотой оправе и, приколов ее на грудь, широко улыбнулась: «Так мистер Барри шибко довольный?»

Может, грабители явились за украшениями? Перед глазами возникла картина: Чимей отбивается от ножей, грудь ее в крови, на блузе вместо броши зияет дыра...

Бахрам закрыл руками лицо:

– Не могу поверить, не могу.

Задиг подошел к нему и обнял за плечи.

– Тебе тяжело, я понимаю.

– Не могу поверить, Задиг-бей.

– Помнишь, дружище, когда-то давно мы с тобой говорили о любви? – мягко спросил Задиг. – Ты сказал, у вас с Чимей не любовь, а что-то другое, не имеющее названия.

Бахрам отер глаза и прокашлялся.

– Да, очень хорошо помню.

Задиг стиснул его плечо.

– Может, ты ошибался, а?

Бахрам сглотнул ком в горле и лишь тогда смог произнести:

– Знаешь, я устроен иначе, я об этом не думаю. Возможно, ты прав и мои чувства к Чимей точнее всего передадут эти твои слова: любовь, *пьяр*, *шук*. Но разве теперь это важно? Ее больше нет, понимаешь? А я должен жить дальше и продать свой груз.

– Верно. Надо смотреть вперед.

– Вот именно. Скажи, ты согласишься ехать в Кантон со мной? Я выделю тебе прекрасную каюту.

– Конечно, Бахрам-бхай! Чудесно вновь путешествовать вместе.

– Отлично! Когда переберешься на «Анахиту»?

– Дай мне еще пару дней, и я прибуду с багажом.

Задиг ушел, но оставаться одному в каюте было неважно, и впервые после шторма Бахрам решил выйти на палубу.

Он побаивался самолично увидеть полонку, какую претерпела «Анахита», но представшее его глазам зрелище просто ошарашило. Стаксель уже восстановили, однако на месте позолоченной фигуры богини чернела пустота.

– Я не могу на это смотреть, Вико, – сказал Бахрам. – Нет уж, пойду к себе.

Утраченной ростры было, конечно, жаль, но его больше страшил отклик на происшествие семейства Мистри и, в первую очередь, Ширинбай, иступленно верившей во всякие знаки и предзнаменования. Она никогда не скрывала своей убежденности в том, что именно равнодушные мужа к приметам и прорицаниям, часто вызывавшее раздоры между супругами, служит причиной главного огорчения в их не особо счастливом браке – то бишь отсутствия сына.

Ширинбай, взросшая в семье властных и своенравных мужчин, не уступала Бахраму в нежной любви к дочерям, но уже давно мечтала о мальчике. Ради этого она прибегала к всевозможным средствам: окуналась в чудотворные колодцы, прикасалась к волшебным камням, несчетно завязывала нити на деревьях, получала благословения от легиона мудрецов, факиров, провидцев и святых. Нулевой результат подобных визитов лишь укреплял ее веру в могущество божественных посредников. Не раз Ширинбай упрашивала мужа присоединиться к ней в ее усилиях к исцелению: ну почему? *панте кайн?* почему ты не хочешь поддержать меня?

Однажды, давно, Бахрам сдался ее уговорам и вместе с ней отправился к некоему гуру: жена вбила себе в голову, что именно он поможет ей забеременеть ребенком мужского пола, и настояла на совместной поездке. После долгих отнекиваний Бахрам уступил, вняв доводу, что детородный возраст жены скоро закончится, и вместе с ней поехал к кудеснику, надеясь этим купить хоть немного покоя в семье. Специалист по плодородности оказался косматым, обсыпанным пеплом отшельником-садху, обитавшим в джунглях в двух часах езды от Бомбея. Он задал Бахраму кучу вопросов и долго щупал его пульс, а затем после длительного раздумья и бормотанья объявил, что ему открылась суть проблемы: дело не в женщине, но в ее муже. Флюиды мужской силы Бахрама истощились, и виной тому семейные обстоятельства, что вовсе немудрено для *хар-джамая* – примака, живущего под крышей жены и зависящего от ее родичей. Восстановить его мощь для рождения мальчика – задача непростая, но исполнимая, если принимать особые настойки, делать кое-какие притирания и, разумеется, пожертвовать изрядную сумму на обустройство скита отшельника.

Во все время этого представления Бахрам проявлял незаурядную выдержку, но в конце концов не стерпел:

– Вы сами-то себя понимаете?

В глазах старца, затуманенных катарактой, промелькнула хитреца, и он, мило улыбнувшись, спросил:

– Никак у тебя есть основания полагать, что твое семя способно породить наследника?

Бахрам тотчас распознал умело приготовленную западню. Выставив старика шарлатаном, он возбудит подозрения Ширинбай, а раскошелиться все равно придется, но это будет несоизмеримо с платой за признание, что у него уже имеется незаконнорожденный сын. Недавно один знакомый купец в подобном покаялся и, взбодоражив общину парсов, мгновенно был изгнан из *панчаята*¹⁸. Он стал отщепенцем, парией, которому никто не сдаст даже угол, и совершенно обнищал, ибо рухнули все его деловые связи. Бахрам не пожалел бы никаких денег, чтобы избежать такого исхода.

Он уже приготовился сказать «нет», но слово это застряло в горле. Одно дело о своей тайне умалчивать, а вот вслух отречься от сына и своего участия в его появлении на свет оказалось до невозможности трудно. Для Бахрама отцовство и семья были своего рода религией, и слово «нет» стало бы равносильно отказу от собственной веры и уничтожению священных кровных уз, связывающих его с сыном и дочерьми.

А старец, видимо, почувал его замешательство:

– Ты не ответил на мой вопрос...

Под бурвящим взглядом жены Бахрам сглотнул и с трудом выговорил:

– Вы правы, дело в моем семени. Я готов пройти полный курс необходимого лечения.

Несколько месяцев он пил настои, втирал мази, оплачивал нужды старца и в строго предписанное время совокуплялся с женой в строго предписанной позе. Безуспешность «лечения» дала двойкий эффект: Ширинбай больше не заговаривала о сыне, но окончательно утвердилась в своем злосчастном будущем, а вера ее в знаки и предзнаменования стала еще исступленнее.

¹⁸ Панчаят – совет старейшин, а также орган общинного самоуправления, вершащий суд.

Женины дурные предчувствия особенно усиливались перед отъездами Бахрама в Китай: задолго до отплытия она ежедневно посещала Храм огня и часами беседовала с *дастурами*¹⁹; день и час отбытия определяли ее астрологи, и, поскольку муж не желал внимать предсказателям, Ширинбай сама учитывала все гадания и предвестья. Если в ночь накануне отъезда кричала сова, поездка откладывалась, и уж только потом Бахрам проходил через тщательно выстроенный лабиринт благоприятных знаков: на лестнице ему вдруг встречалась служанка с горшком воды на голове; во дворе как бы невзначай оказывались представители касты садовников с охапками нужных цветов и плодов, а возле повозки, в которую он садился, неожиданно появлялся рыбак с уловом. Ширинбай даже намечала маршрут к причалу, планируя его так, чтобы по дороге, не дай бог, не встретились мужчины-прачки из касты *дохоби* с узлами грязного белья.

Обычно все эти суеверия и ритуалы, даже в самом рьяном их проявлении, лишь отвлекали от дела, но не служили серьезным препятствием поездкам. Однако нынче Ширинбай превошла себя в стремлении удержать мужа дома.

– Не уезжай, – умоляла она. – *Таме на джао*, в этом году не езд. Все говорят, быть беде.

– Что конкретно говорят? – спросил Бахрам.

– Разговорам нет конца, особенно об этом английском адмирале и военных кораблях.

– Ты имеешь в виду адмирала Мейтланда?

– Да, его самого. Говорят, будет война с Китаем.

Так вышло, что Бахрам был хорошо осведомлен о миссии адмирала Мейтланда: в числе немногих бомбейских купцов его пригласили на прием, организованный на флагманском корабле «Алджерин», и он знал, что флотилия под командованием адмирала послана в Китай лишь для демонстрации силы.

– Послушай, Ширинбай, не тревожься понапрасну. Это моя забота – быть в курсе событий.

– Я только передаю слова моих братьев, – возразила Ширинбай. – Они говорят, Китай прекратит ввоз опиума, что может привести к войне. Братья считают, тебе не надо ехать, риск слишком велик.

– Да что они понимают? – ошетинился Бахрам. – Пусть занимаются своим делом и не суются в чужое. Поторгуй они с мое, знали бы, что слухи о войне с Китаем возникали не раз и всё попусту. Как и сейчас. Будь жив твой отец, он бы меня поддержал, но, как говорится, старые умники вымерли, молодые не нарождаются, и все пошло прахом...

Потерпев неудачу в атаке сходу, Ширинбай отошла на запасные позиции и привела иные поводы для беспокойства: астрологи заявили, что парад планет сулит опасность всем путешествующим; прорицатель узрел знамения войны и смуты; надежный гуру уведомил о бунте команды в походе. Уверовав в неизбежную гибель мужа, Ширинбай призвала своих замужних дочерей, уже осчастливленных детишками, дабы они помогли отговорить их отца от безумной затеи. Бахрам пошел на уступки и дважды отложил отъезд, давая возможность возникнуть благоприятным знакам. За две недели ожидания они так и не проявились, и тогда он, боясь опоздать к началу торгового сезона в Кантоне, установил окончательную дату отъезда.

В тот день все пошло хуже некуда: на рассвете громко заухала сова, предвещая беду, а тюрбан Бахрама ночью свалился на пол, где и был обнаружен утром. Но что всего страшнее, Ширинбай, одеваясь к проводам мужа, разбила свой красный свадебный браслет. Она безутешно разрыдалась и вновь стала умолять:

– Не езд! Ты же знаешь, что сулит разбитый браслет жены! Не думаешь обо мне, так подумай о семье! Что будет с дочерьми и внуками? *Джара бхи парвах натхи*? Тебе на все наплевать?..

¹⁹ Дастур – зороастрийский священнослужитель высокого ранга.

В голосе ее прозвучало нечто, не позволившее Бахраму ответить в его обычной снисходительной манере: в нем слышались неподдельная мольба и беспросветное отчаяние. Казалось, наконец-то Ширинбай воспринимает мужа не просто как суррогат надлежащего супруга, но после сорока лет вялого и педантичного исполнения супружеских обязанностей в ней внезапно пробудились иные чувства.

И надо же было этому произойти именно сегодня! После стольких лет глубоко несправедливой жизни, в которой Бахрам сносил разочарованность и покорное безразличие супруги, ныне вдруг во всей наготе открылась ранимая душа близкого человека. Случись это хотя бы днем раньше, он бы, наверное, поведал о Чимей и Фредди, но теперь корабль, готовый сняться с якоря, делал этот разговор невозможным. Бахрам подсел к жене, которая, сжав в кулаке разбитый браслет, скорчилась на краю кровати, и обнял ее за худые плечи, обтянутые однотонным сари китайского тисненого шелка, как будто испускавшим туманное свечение. Кроме браслетов, Ширинбай не носила других украшений, и единственным цветным пятном в ее наряде были китайские алые тубельки, когда-то давно привезенные ей в подарок из Кантона.

Бахрам осторожно разжал ее пальцы и забрал разбитый браслет.

– Послушай, Ширинбай, отпусти меня в последний раз, и по возвращении я все тебе расскажу. Ты поймешь, почему это было так необходимо.

– Когда ты вернешься? А вдруг... – Она смолкла, не в силах закончить фразу.

– Моя мать всегда говорила: молитвы жены не бывают напрасны. Уверься, что и твои зря не пропадут.

Каким я стану?

Вопрос этот мучил не только А-Фатта и Нила, но всякого посетителя толкучего рынка в квартале Чулия-Кампунг, где проживали сингапурские матросы, кули и мелочные торговцы. В этом квартале, одном из беднейших в новоиспеченном городе, на пяточке, зажатом между густыми джунглями и топкими болотами, скопище бамбуковых лачуг и халуп из подручных материалов выросло как грибы после дождя.

Рынок устраивали на лугу возле притока реки Сингапур. Дорога к нему тонула в грязи, и посему большинство покупателей и торговцев добирались сюда по воде. Обитатели малайских и китайских кварталов прибывали в проа и нанятых джонках, а матросы и ласкары с кораблей – в ярко раскрашенных баржах, груженных тем, что они надеялись продать или обменять: связанные в «личное время» свитера, грубо стачанные шершавые робы, дождевики и бушлаты, позаимствованные из рундуков утонувших товарищей.

Нил и А-Фатт были среди тех, кто, изрядно намучившись на почти безлюдной дороге, притопап пешком, и вид внезапно открывшегося шумного сборища на берегу притока в кайме мангровых деревьев их ошеломил. Здешняя атмосфера напоминала ту, что царит на обычных рынках и ярмарках: и тут сновали разносчики, лоточники, торговцы сладостями и мясным и охотники за женским полом, но ряды с одеждой были главной изюминкой, ради которой все сюда и приезжали.

Матросы и ласкары называли толкучку «ворди-маркет» – видимо, потому, что некогда здесь торговали *варди*, военной формой. Сей товар был в ходу и поныне: на свете вряд ли сыскалось бы другое такое место, где можно обменять гренадерский кивер на малахай монгола, а каску пехотинца на шаровары зуава. Однако рынок не ограничивался воинским ассортиментом и за двадцать лет своего существования стал широко известен не только в Сингапуре, но и далеко за его пределами. На *Пакайан Пасар*, Барахолке, как называли рынок на окрестных островах и мысах, можно было купить и продать все что угодно: от папуасского чехла на пенис до *сулу*²⁰, от бенгальского сари до филиппинских штанов. Возможно, зажиточные гости острова

---

²⁰ Сулу – мужская и женская юбка сродни килту, традиционная одежда на Фиджи.

предпочитали делать покупки в европейских и китайских магазинах на Торговой площади, но для людей, ограниченных в средствах, обладателей тощих кошельков или вовсе неимущих, приготовивших для обмена рыбу или дичь, рынок, не отмеченный на городском плане и не значившийся в уличном реестре, был желанным местом. Ибо где еще женщина сможет обменять кхмерский *сампот*²¹ на билаанскую²² кофту? Где еще рыбак махнет саронг на куртку или соломенную островерхую шляпу на балийский *уденг*²³? Куда еще можно прийти лишь в набедренной повязке, но уйти в корсете из китового уса и шелковых туфлях?

Часть гардероба поставляли поиздержавшиеся паломники, миссионеры, солдаты и транзитные путешественники. Однако много товару прибывало из дальних уголков и представляло собою добычу грабителей и пиратов, ибо они, бороздившие воды Индийского океана, прекрасно знали, что Барахолка – лучшее место для сбыта краденого. Здесь, как нигде, покупателю стоило внимательно рассматривать товар, поскольку многие вещи были отмечены пятнами крови, пулевыми дырками, ножевыми порезами и прочими неприглядными дефектами. Особого внимания требовали роскошные наряды – расшитые золотой нитью халаты и балахоны, ибо многие из них были взяты из склепов и захоронений и при ближайшем рассмотрении оказывались изъеденными могильными червями. Однако риск здешних сделок окупался с лихвой: где еще за треуголку и нагрудную бляху дезертир мог получить костюм-тройку английского сукна? Ясно, что подобное не могло продолжаться вечно, но пока что Барахолка существовала, и все ее считали благом, ниспосланным с небес.

О толкучем рынке Нил узнал от лодочника-индуса, проживавшего в Чулия-Кампунге. Информация была очень кстати, поскольку друзья ходили в том, что удалось раздобыть по дороге – штаны, жилетки и заношенные саронги. Эта потрепанная одежда привлекала бы к ним ненужное внимание, но предложения городских магазинов были им не по средствам.

Барахолка стала идеальным решением проблемы. Первым делом друзья купили холщовые мешки, которые постепенно заполняли, проходя по рядам и торгуясь на смеси языков. Нил приобрел европейский сюртук, широкие и узкие брюки, отрез муслина и вязки для тюрбана, несколько легких хлопчатобумажных курт. Покупки А-Фатта были столь же эклектичны: пальто, сорочки и бриджи, черная и белая блузы, пара китайских халатов.

Они направились к обувному ряду, и тут вдруг прогремел голос, перекрывший рыночный гомон:

– Мать твою за ногу!.. Фредди!

А-Фатт сильно побледнел, но не оглянулся и подтолкнул Нила – мол, не останавливаемся.

Через пару шагов он прошептал:

– Смотри-гляди, кто это. Какой вид.

Глянув через плечо, Нил увидел поспешавшего за ними пузатого человека в шляпе и безупречной европейской одежде; на очень смуглом лице его сверкали белки глаз навывкате, в руках он держал свертки купленной одежды.

– Ну что?

Ответить Нил не успел, ибо вновь прогремел тот же голос:

– Фредди, стой, черт тебя побери! Это же я, Вико!

Краем рта А-Фатт прошептал:

– Ступай вперед. Говорить после.

Нил кивнул и, не сбавляя шага, отошел подальше, а затем из-под укрытия стоек с одеждой стал наблюдать за незнакомцем и А-Фаттом.

²¹ Сампот – мужская и женская юбка, традиционная одежда Камбоджи.

²² Билаан (горные люди) – народность на Филиппинах.

²³ Уденг – мужской головной убор сродни чалме.

Даже издали было понятно, что первый о чем-то спрашивает, а второй отказывает наотрез. Но потом А-Фатт вроде как уступил, и толстяк, облегченно вздохнув, его обнял и побежал к причалу, где стояла изящная корабельная шлюпка.

– Кто это был? – спросил Нил, дождавшись друга.

– Вико, отцовский управляющий. Я о нем рассказывать, помнишь?

– Чего он хотел?

– Говорить, отец болеть. Сильно желать меня видеть. Очень звать.

– Ты согласился?

– Да. Я идти на корабль. Вечером. За мной прислать лодка, – в своей отрывистой манере проговорил А-Фатт.

Сам не зная почему, Нил встревожился.

– Надо бы это обсудить, – сказал он. – Как ты объяснишь отцу, где ты был все это время?

– Никак. Скажу, поступить на корабль и уплыть из Китая. Три года в море.

– А если он проведаст, что ты был в Индии? Узнает о тюремном сроке и прочем?

– Невозможно. Никак. После Кантона я все время менять имя. В тюрьме меня держать, настоящее имя не знать. Не доказать.

– А что потом? Вдруг он захочет, чтобы ты остался с ним?

А-Фатт покачал головой.

– Нет. Не захочет. Очень бояться, что старшая жена узнает. Про меня.

Порой он выказывал почти сверхъестественную проницательность. Вот и сейчас А-Фатт обнял друга за плечи и спросил:

– А ты бояться я оставлю тебя одного, да? Не тревожься. Ты мой друг, верно? Я не бросаю тебя на чужбине.

Вечером, когда А-Фатт уехал на «Анахиту», Нил дождался его на лодке-кухне. Прошло довольно много времени, он уже сомневался, что друг нынче вернется, а потом досадливо подумал: с какой стати я решил, что мое будущее зависит от встречи А-Фатта с отцом? Если пути наши разойдутся, что ж, я и один как-нибудь проживу. Нил перебрался в «домик» на корме, где провел предыдущие ночи, и почти мгновенно уснул.

Ночью встав по нужде, он увидел яркую луну, зависшую над рекой. Справив дело, Нил уже хотел вернуться ко сну, но вдруг на носу лодки различил два силуэта.

Сна как не бывало. Вглядевшись, в этих фигурах, привалившихся к борту, Нил узнал своего друга и хозяйку лодки.

– А-Фатт?

Ответом ему было приглушенное мычание. Подавшись вперед, Нил разглядел, что друг его в руке баюкает трубку.

– Чем ты занят?

– Курю.

– Опий?

А-Фатт медленно запрокинул голову; на освещенном луною лице его, бледном, но отнюдь не сонном, застыло незнакомое выражение покоя и мечтательности.

– Да, опий, – тихо сказал он. – Вико угостить.

– Осторожнее, ты знаешь, как он на тебя действует.

А-Фатт пожал плечами:

– Ты меня застукать. Но сегодня есть причина.

– Какая?

– Отец кое-что рассказать.

– Что?

После долгой паузы А-Фатт ответил:

– Мама умереть.

Нил ахнул, а на лице А-Фатта не дрогнул ни один мускул, голос его был бесстрастен.

– Как это случилось?

– Отец говорить, наверное, грабители. – А-Фатт опять пожал плечами и промолвил, как будто подводя черту: – Нет толку говорить.

– погоди, нельзя так оборвать разговор. Что еще сказал отец?

Голос А-Фатта стал глуше, он как будто доносился из глубокого колодца:

– Отец очень обрадоваться. Все время плакать. Говорить, сильно беспокоиться обо мне.

– А ты был рад его увидеть?

И снова А-Фатт пожал плечами, но промолчал.

– А еще что? Он сказал, что тебе делать дальше?

– Отец думать, мне лучше ехать к сестре в Малакку. После Кантона он давать мне деньги начать свое дело. Надо ждать три-четыре месяца.

А-Фатт как будто уплывал куда-то, и Нил понял, что больше ничего не добьется.

– Ладно, давай-ка спать, – сказал он. – Утром поговорим.

Нил шагнул на корму, но А-Фатт его окликнул:

– Постой! Для тебя тоже есть новость.

– Какая?

– Хочешь работать у отца?

Отсутствующий взгляд и застывшее лицо подали мысль, что друг просто заговаривается.

– О чем ты?

– Отцу надо секретарь – писать-читать бумаги. Старый секретарь умереть. Я сказать, я знаю, кто годится на такую службу. В тюрьме ты писал письма, да? Ты владеешь английский, хиндустани и прочее, верно?

– Да, но...

Нил схватился за голову и подсел к другу. Бахрама Модии он знал только со слов А-Фатта, и рассказы эти давали немалый повод для опасений. Порой он вспоминал собственного отца, старого заминдара Расхали, с которым тоже виделся нечасто, ибо и тот больше времени проводил с любовницами, нежели в семье. Всякая редкая встреча с отцом требовала усиленной подготовки к ней и порождала большое волнение, но, представ перед родителем, Нил терял дар речи, охваченный странной смесью страха, злости и ослиного упрямства. При мысли о встрече с Бахрамом все это накатило вновь.

Но как хорошо было бы получить работу и прекратить существование беглеца.

– Отец хочет встретиться завтра, – сказал А-Фатт.

– Завтра? Так скоро?

– Да.

– Что ты рассказал обо мне?

– Мы случайно встретиться здесь, в Сингапур. Я знаю только, что раньше ты работать секретарь. Отец звать тебя завтра. Говорить о работе.

– Но, понимаешь... – Нил не мог подобрать слов, однако А-Фатт, похоже, угадал, что его тревожит.

– Он тебе понравится. Отец всем нравится. Некоторые говорят, он великий человек. Много видеть, многих знать, много изведать. Он не как я, поверь. А я не как он. – А-Фатт усмехнулся. – Лишь порой я – как отец.

– Когда?

А-Фатт приподнял трубку:

– Видишь? Когда курю, я становлюсь как отец. Великий человек, которого все любят.

Лишь за неделю до прихода в Китай Полетт узнала, что помимо драгоценной коллекции растений «Редрут» везет еще и «живописный сад» – собрание ботанических иллюстраций.

Причина запоздалости этого открытия состояла в том, что картинки не предназначались для обозрения: аккуратно уложенные в папки с тесемками, они были убраны в темную кладовку, где Хорек хранил гербарные прессы, банки с семенами и всякий инвентарь. Иллюстрации оказались там не случайно: для Хорька, далекого от искусства, художественная ценность рисунков ничего не значила, он воспринимал их как своего рода инструмент – подсказку в поиске новых, неизвестных видов растений.

Это весьма оригинально, однако странно, думала Полетт. Не разумнее ли искать новые особи в самой Природе, нежели в изящной сфере человеческих творений? Но Хорек утверждал, что это старый испытанный метод, вовсе не им придуманный. С давних пор его применяли первые исследователи китайской флоры, среди которых был английский ботаник Джеймс Канингем, еще в прошлом веке дважды посетивший Китай.

В те времена иностранцам было чуть проще попасть в Поднебесную, и Канингему посчастливилось провести несколько месяцев в портовом городе Амой. Там-то он и обнаружил, что китайские художники чрезвычайно умели в реалистическом изображении цветов, деревьев и прочих растений. Это стало большой удачей, ибо в те дни перевезти живые особи из Китая в Европу было делом безнадежным, и потому натуралисты ограничивались сбором семян и «засушенных садов». И вот Канингем добавил к ним новый вид коллекции, привезя в Англию свыше тысячи рисунков. Иллюстрации вызвали неопишуемый восторг с изрядной долей скептицизма: европейцам, чей глаз привык к домашней флоре, было трудно, почти невозможно поверить в реальное существование столь невиданной красоты. Кое-кто утверждал, что нарисованные цветы являют собой ботанический аналог птицы-феникса, единорога и прочих мифических существ. Разумеется, они были неправы; в свое время весь мир поймет, что коллекция эта представляла достопримечательные растения, избравшие своей родиной Китай, а позже проникшие в другие страны: гортензии, хризантемы, цветущие сливы, древовидные пионы, первые ремонтантные розы, гребешковые ирисы, примулы, лилии, хосты, глицинии, астры, азалии и бесчисленные виды гардений.

– Но главная заслуга Канингема в том, что он открыл камелию, – сказал Хорек. – Не постигаю, отчего Линней решил назвать ее в честь Георга Йозефа Камела, малоизвестного германского лекаря. Вся статья ей называться *Cunninghamia* в честь Канингема, для кого она был страстной целью поиска и кто первым представил Британии листья ее чайного вида.

Камелия вызывала его особый интерес не только своими цветами и пищевой ценностью – он считал, что она, возможно, представляет собою ботаническую особь, наиболее значимую из всех известных человечеству. И это вовсе не надуманная фантазия, ибо семейство камелии

одарило мир чайным кустом *Camellia sinensis*, к тому времени уже ставшим источником весьма прибыльной торговли. Интерес Канингема к иным видам камелии разожгла китайская легенда о человеке, который очутился в долине, не имевшей выхода, и прожил там сто лет, питаясь исключительно одним растением. Настой его насыщенно золотистого цвета, гласила легенда, возвращал первозданный цвет седым волосам и былую гибкость старческим суставам, а также излечивал легочные хвори. Назвав это растение «золотистой камелией», Канингем пребывал в убеждении, что, найденное и размноженное, своей ценностью оно превзойдет чайный куст.

– И что, сэр, он его нашел?

– Возможно, только сие никому не ведомо... Возвращаясь из второго путешествия в Китай, Канингем бесследно исчез возле южных берегов Индии. Коллекция растений, которую вез ботаник, тоже сгинула, и пронесся слух, что она-то и стала причиной его безвременной смерти. Слухи еще больше окрепли, когда в целостности и сохранности дошла бандероль с его бумагами, которую он отправил в Англию, перед тем как пуститься в свой последний путь. Там была картинка с изображением неизвестного цветка.

– Золотистой камелии?

– Судите сами, – коротко ответил Хорек и достал из папки двойной бумажный лист размером с почтовую открытку.

На одной пожелтевшей странице был изящный рисунок кистью, занимавший пространство не больше шести квадратных дюймов: на заднем плане размытый контур горы в туманной дымке, на переднем – кривой кипарис, под которым сидит старик с чашей в руках. Рядом с ним ветка с яркими цветками. Масштаб рисунка не позволял разглядеть форму лепестков, но цвет бутонов – пурпурный, плавно переходящий в золотистый – впечатлял необычайно.

На противоположной странице два вертикальных ряда китайских иероглифов.

– Известно, что здесь написано, сэр? – спросила Полетт.

Хорек кивнул и перевернул лист обратной стороной, где была выцветшая, но каллиграфически исполненная надпись по-английски:

Лепестки на зеленоватых стеблях сияют, как чистейшее золото.

В центре бутона сверкает пурпурный глазок.

Избавляет от ломоты в костях, улучшает память и проясняет ум.

Изгоняет смерть, поселившуюся в легких.

Ниже стояла подпись: *Се Лингюнь, князь провинции Кан-ло.*

– Этот князь вовсе не мифический персонаж, он реальная личность, – сказал Хорек. – Жил в пятом веке нашей эры и считался одним из самых видных китайских натуралистов. Надпись его говорит о том, что растение это способно не только повернуть вспять процессы старения, но и послужить в борьбе со страшным бичом человечества – чахоткой.

Через много лет после смерти Канингема его бумаги попали в руки сэра Джозефа. Он тоже пришел к выводу, что «золотистая камелия» – это, видимо, величайшее ботаническое открытие, этакий Грааль натуралистов. Потому-то и решил за государственный счет направить в Кантон обученного садовода Уильяма Керра.

– Но тот не нашел эту камелию?

– Нет, однако отыскал свидетельство ее существования. Последняя коллекция растений, им отправленная, была чрезвычайно внушительной, и дабы груз благополучно прибыл в Лондон, Керр нанял сопровождающего – молодого китайского садовника. Этот А-Фей, совсем еще паренек, отличавшийся сообразительностью и отменной сноровкой, сумел доставить коллекцию почти в полной сохранности. Вместе с ней он передал сэру Джозефу небольшой «живописный сад» – пару дюжин ботанических иллюстраций, выполненных кантонскими художниками. И среди них оказалось изображение неизвестного цветка, чрезвычайно похожего на тот,

что был на рисунке, найденном в бумагах Канингема. – Раскрыв другую папку, Хорек подал картинку Полетт. – Вот, взгляните.

Рисунок был выполнен не на бумаге, а на чем-то ином, очень плотном и чрезвычайно гладком. Хорек пояснил, что эта основа изготовлена из сердцевины тростника, любимого материала китайских художников. На картинке размером с лист писчей бумаги царило буйство цвета. Яркое впечатление усиливала техника многослойного мазка, делавшая изображение бутона, лепестки которого располагались концентрическими кругами, почти рельефным. Завиток тычинок в центре чашечки как будто испускал пурпурное сияние, заливавшее основания лепестков, но постепенно менявшее оттенок и превращавшееся в пиршество золотого цвета на вершине венчика.

Полетт никогда не видела столь необычную цветовую вариацию в одном бутоне.

– Невероятно красиво, – сказала она. – Даже трудно поверить, что такой цветок и вправду существует.

– Сомнение ваше вполне естественно. Но приглядитесь, и вы поймете, что моделью служила реальная особь. И что тогда скажете?

Полетт вновь взглянула на рисунок и поняла, что он, как и традиционные ботанические иллюстрации, полон красноречивых деталей. Теперь она присмотрелась к двум листикам на черешках: художник тщательно передал эллиптическую форму с каплевидным окончанием и даже прожилки, просвечивавшие сквозь глянцевую поверхность. А рядом набухла почка, из плотной чешуйчатой оболочки которой был готов выглянуть третий листик.

– Этот рисунок вам показал сэр Джозеф?

– Именно он.

Вскоре после получения последней коллекции сэр Джозеф Бэнкс вновь призвал Хорьку, и тот, представ перед Куратором, узнал, что в сопроводительном письме Уильям Керр просит освободить его от должности. В Кантоне он провел несколько лет и жаждал уехать. Поскольку помощник собрал больше двух сотен новых растений, сэр Джозеф решил уважить его просьбу и отправить Керра на Цейлон. «Однако в Кантоне еще много полезной работы, – сказал Куратор. – Я получил сведения о цветке, перед которым меркнут все наши прежние находки. И сие – одна из причин, почему я намерен отправить в Китай человека, который будет представлять не Королевские сады, но группу частных инвесторов». И вот тогда он показал Хорьку недавно полученный рисунок «золотистой камелии». «Надеюсь, вы понимаете, Пенроуз, что все это строго конфиденциально. – Конечно, сэр. – И что скажете? Вы парень не промах. Как насчет того, чтоб прославиться? Да еще хорошо заработать?»

Хорек моментально смекнул, что теперь жизнь его так или иначе изменится. С первой поездки в Китай минуло три года. По возвращении он получил работу в Королевских садах, где дорос до чина десятника. Окрепнув материально, он женился на девушке из Фалмута, в которую давно был влюблен. Сейчас она ждала ребенка. Хорьку претило оставлять ее одну в таком положении, но именно жена убедила его принять предложение Куратора. Те два-три года, что тебя не будет, сказала она, я поживу у родителей. В Фалмуте полно жен моряков, которым приходится ждать своих мужей, а такую возможность упускать нельзя.

Вот так вышло, что Хорек во второй раз отправился в Кантон. Через два года он вернулся с коллекцией растений, составившей ему имя и заложившей основу его капитала, но в ней не было «золотистой камелии».

– Вы не нашли никаких следов этого цветка, сэр?

– Нет.

Сэр Джозеф побоялся доверить ему подлинники рисунков, и Хорек поехал с далеко не совершенными копиями, которые за время долгого путешествия вконец истрепались.

– Но теперь у меня есть оригиналы, а это совсем иное дело. – Хорек убрал рисунки в папки. – Я знаю, с чего начать.

Едва ступив на борт «Анахиты», Нил понял, что назвать ее «плавающим дворцом» отнюдь не преувеличение. Всего ста двадцати футов в длину, шхуна уступала размером впечатляющим европейским и американским парусникам, стоявшим на внешнем рейде Сингапура. Но те большие корабли, пусть надежные и ухоженные, были рабочими лошадками, тогда как «Анахита» выглядела скорее прогулочной яхтой, таким капризом богача. Под солнцем сияла ее начищенная медь, сверкала отдраенная палуба. Кроме сгинувшей ростры, от повреждений, полученных в шторме, не осталось и следа. Все, до последнего каната и перлиня, было на своих местах, восстановленный бушприт гордо похвалялся новеньким такелажем.

Оглядывая палубу, Нил засмотрелся на фальшборты, которые с внешней стороны выглядели вполне обычно, а с внутренней были украшены резными панелями по художественным мотивам древней Персии и Месопотамии: крылатые львы, желобчатые колонны, шагающие копыеносцы. Хотелось изучить их во всех подробностях, но Вико подтолкнул его к полуюту:

– Поторапливайтесь, мунши-джи. Патрон ждет.

Полуют, где были гостиные, каюты и кают-компания, производил впечатление самой роскошной части корабля. Благодаря орнаментальным люкам в потолке, сквозь которые лился мягкий естественный свет, центральный коридор казался просторным и полным воздуха, тогда как на других кораблях он выглядел сумрачным и тесным. На стенах, обшитых панелями красного дерева, висели обрамленные гравюры руин Персеполя и Экбатаны. Нил охотно задержался бы возле них, но Вико, не сбавляя шага, прошел к хозяйской каюте и постучал в дверь.

– Патрон, здесь мунши, присланный Фредди.

– Пусть войдет.

В легкой хлопчатой ангаркхе и туфлях из серебристой парчи, Бахрам сидел за столом. Борода его была аккуратно подстрижена, голову украшал простой, но безупречно завязанный тюрбан.

В смуглом лице с прямым носом легко угадывался источник не одной лишь миловидности, но и других качеств А-Фатта – скажем, волевого взгляда, светящегося пронизательным умом и решительностью на грани жестокости. Однако на этом сходство Бахрама с сыном заканчивалось, ибо в облике А-Фатта не было ни намека на ранимость, но только признаки легкого нрава, добродушия и обезоруживающей напористости, составлявших немалую часть обаяния отца.

– А вот и мунши-джи! – вскричал Бахрам, раскинув руки. – Ну что ж вы встали столбом? Валяйте сюда!

Раскатистый голос его тотчас изгнал воспоминание о встречах Нила с отцом, ибо Бахрам ничуть не походил на старого заминдара, да и любого другого известного Нилу влиятельного богача. В нем не было ничего от их пресыщенности жизнью и плотского изнеможения, напротив, его живость вкупе с простецкими оборотами выдавали в нем натуру прямую и деятельную, чуждую наигрышу.

– Как вас звать-величать?

Нил уже придумал себе имя, соответствующее его новому ремеслу:

– Анил Кумар, письмоводитель.

Бахрам кивнул на стул с прямой спинкой:

– Ну что ж, мунши-джи, не желаете ли присесть, чтоб мы друг друга лучше рассмотрели?

– Как скажете, сет-джи.

Нил почувал в этом некую хитрую проверку, которую Бахрам учинял соискателям места. Что именно проверялось, он не понял, однако, не рассуждая, уселся на стул.

Похоже, он поступил правильно, ибо вызвал восторженный отклик Бахрама, который, шлепнув ладонью по столу, воскликнул:

– Отлично! *Экдум тхик!* Очень хорошо!

Нил опять не понял, что такое он совершил, но разъяснение не заставило себя ждать.

– До чего приятно видеть человека, умеющего пользоваться стулом, – сказал Бахрам по-английски. – Терпеть не могу конторщиков, что, скрючившись, сидят на полу. Мой статус не позволяет иметь таких работников. Иностранцы засмеют, правда?

– Да, сет-джи. – Нил почтительно склонил голову, подражая секретарям, которых некогда и сам нанимал.

– Значит, вы маленько повидали свет? Разок-другой сгоняли в поло? Отведали что-нибудь, кроме *даал-бата*²⁴ и риса-карри? Не так-то просто найти секретаря, овладевшего стулом. Может, вы умеете пользоваться ножом и вилкой? Хоть чуть-чуть?

– Умею, сет-джи.

Бахрам покивал.

– Стало быть, вы повстречали моего крестника Фредди здесь, в Сингапуре?

– Да, сет-джи.

– А чем вы занимались раньше? И как тут оказались?

Нил догадался, что собеседника интересует не одно его прошлое, но еще и уровень владения английским, и потому, демонстрируя свое безупречное произношение, поведал заготовленную историю: потомственный писарь, он служил при дворе удаленного княжества Трипура, что на границе с Бенгалией, но впал в немилость, после чего был секретарем и толмачом у череды купцов. В Сингапур он прибыл из Читтагонга вместе со своим последним работодателем, который скоропостижно умер, и теперь ищет новое место.

Похоже, Бахрама впечатлила не столько сама история, сколько свободный английский. Выскочив из-за стола, он забегал по каюте.

– Ай да мунши-джи! Это ж надо так стрекотать! Да рядом с вами я же осрамлюсь!

Нил смекнул, что ненароком его раздосадовал, и решил отныне изъясняться только на хиндустану, оставив английский хозяину.

– Насталиком²⁵ пишете? – спросил Бахрам.

– Да, сет-джи.

– Гуджарати знаете?

– Нет, сет-джи.

Бахрам, похоже, ничуть не расстроился.

– Ничего, все знать невозможно. С гуджарати я управлюсь сам.

– Хорошо, сет-джи.

– Но читать-писать – это далеко не все, что требуется от хорошего мунши. Нужно еще кое-что. Вы меня понимаете?

– Не вполне, сет-джи.

Бахрам остановился перед Нилом и, заложив руки за спину, склонился к его лицу.

– Я говорю об ответственности и надежности, которую еще называют благородством. Вам известно значение этих слов? Для меня секретарь – все одно что касса, только наполненная словами. И рту этой кассы надлежит быть на замке. Коль работаете на меня, все вами прочитанное и написанное должно быть накрепко заперто у вас в голове, вашей, так сказать, сокровищнице и казне. – Бахрам обошел Нила и, взяв его за голову, повертел ее из стороны в сторону. – Вы уяснили, мунши-джи? Даже если какой-нибудь душегуб попытается открутить вам башку, касса не должна открыться.

Он говорил как будто шутливо, однако в тоне его слышалась угроза. Нил слегка растерялся, но сумел сохранить хладнокровие.

– Да, сет-джи. Я уяснил.

---

²⁴ Даал-бат (пхали) – блюдо из вареного риса и бобов.

²⁵ Насталик – алфавит персидского, урду и некоторых тюркских языков.

– Прекрасно! – весело сказал Бахрам. – Только имейте в виду: писанина – не главное в вашей работе. Гораздо важнее то, что я называю *кхабар-дари* – быть самому и держать меня в курсе всех новостей. Кое-кто думает, лишь правителям да министрам надо знать о войнах и всякой политике. Это устаревший взгляд. Мы живем в иное время, нынче неведение ведет к краху. Я не устаю повторять: деньги делает информация. Вы меня понимаете?

– Боюсь, не совсем, сет-джи, – промямлил Нил. – Как информация делает деньги?

– Что ж, расскажу вам одну историю, которая, надеюсь, поможет это понять. – Бахрам стал расхаживать по каюте. – Я узнал ее, когда в Лондоне навестил своего друга Задига Карабедьяна. Было это двадцать два года тому назад, в 1816-м. Однажды знакомый привел нас на фондовую биржу и показал нам знаменитого банкира, некоего Ротшильда, который гораздо раньше других понял всю важность *кхабар-дари* и разработал собственную систему оповещения почтовыми голубями, курьерами и прочим. И вот случилась битва при Ватерлоо... Вы о ней слышали?

– Да, сет-джи.

– В тот день лондонскую биржу лихорадило. Если англичане проиграют, цена на золото упадет. Победят – подскочит. Что делать? Покупать или продавать? Все ждут, ждут, а банкир, конечно, первым узнает исход битвы. Что, по-вашему, он сделал?

– Начал покупать золото?

Бахрам издал утробный смешок и хлопнул Нила по спине.

– Вот потому-то вы – мунши, а не коммерсант. Напротив, он стал *продавать*! Все решили: ага, битва проиграна, будем-ка и мы продавать. Цена золота все ниже, ниже, ниже. И только дождавшись нужного момента, Ротшильд выходит на сцену и начинает скупать золото. Понимаете? Фокус в том, что он первым получил информацию. Позже кто-то говорил, сия история – выдумка, но разве это имеет значение? В ней отражено время, в которое мы живем. Если б мне хватило смелости, я бы, клянусь, пал ниц, коснулся стоп этого человека и сказал ему: ты мой гуру! – Бахрам остановился перед Нилом. – Теперь вы понимаете, мунши-джи, почему *кхабар-дари* так важен для дельца? Кстати, я еще не упомянул, что направляюсь в Кантон? И вы должны стать моими глазами и ушами.

– Но каким образом, сет-джи? – обеспокоился Нил. – В Кантоне я никого не знаю.

– Вам это и не нужно, знакомства предоставьте мне, – отмахнулся Бахрам. – Ваше дело – читать два английских журнала, которые там издаются: «Кантонский дневник» и «Китайский архив». Порой еще выходят газеты, но на них отвлекаться не стоит, меня интересуют только эти два издания. Ваша задача – просмотреть их и составить отчет, отсеяв чепуху и пометив важное. – Он взял журнал, лежавший на столе. – Вот экземпляр «Архива», который мне одолжил мой приятель Задиг Карабедьян. Гляньте отчеркнутые абзацы и поведайте, о чем там речь.

– Слушаюсь, сет-джи. – Нил пробежал глазами страницу. – Кажется, это выдержки из служебной записки, которую высокопоставленный китайский чиновник подал императору.

– Верно. Читайте вслух.

– «Опий – ядовитое зелье, поступающее из-за рубежа. На вопрос о его достоинствах ответ таков: он пробуждает жизнелюбие и снимает усталость. Оттого-то люди беспрестанно попадают в его сети. Поначалу это дань моде, но отравы вызывает устойчивую зависимость, и курильщики опия, страшно исхудавшие и обессиленные, превращаются в ходячих мертвецов. Вот что творит это зелье. Кроме того, цена его непомерно высока, однако получить его можно, лишь заплатив чистоганом. На первых порах опий только мешает делу, но потом разрушает семьи, лишает всего имущества и уничтожает человека. На свете нет большего зла. На мой взгляд, сия отравы превосходит мышьяк десятикратно. Запутавшийся и потерявший репутацию человек травится мышьяком. Впав в отчаяние, он принимает отраву и разом сводит счеты с жизнью. Но курильщик опия губит себя совсем иначе. Сперва ему кажется, что зелье прибавляет жизненных сил, но сие впечатление обманчиво. Для сравнения: подкручивая

фитиль лампы, мы делаем пламя ярче, но тем самым увеличиваем расход масла и ускоряем наступление тьмы. Молодой курильщик укорачивает свои дни на земле, отсекая надежду на потомство и оставляя родителей и жену без всякой опоры, а зрелый ворует у себя последний остаток лет...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.